

100 великих романов

Энтони ТРОЛЛОП

МАЛЫЙ ДОМ
В ОЛЛИНГТОНЕ

Том 2

100 великих романов

Энтони Троллоп

Малый дом в Оллингтоне. Том 2

«ВЕЧЕ»

1864

Троллоп Э.

Малый дом в Оллингтоне. Том 2 / Э. Троллоп — «ВЕЧЕ»,
1864 — (100 великих романов)

ISBN 978-5-4484-8731-6

Сельская Англия середины XIX века. В оллингтонском поместье живут две сестры, которые не прочь выйти замуж, но красота и добрый характер – единственное их приданое. Обе, несмотря на юный возраст, проявляют большую мудрость, искренне полагая, что не в деньгах счастье и что ни под каким видом не следует соглашаться на брак по расчету. Однако стремление к бескорыстной любви не спасает от ошибок. Одна из сестер увлечена столичным франтом, который мыслит слишком приземленно, чтобы оценить ее бескорыстие, а другая в поисках любви настолько слепа, что рискует не заметить достойного поклонника, который находится совсем рядом... Так в романе «Малый дом в Оллингтоне» классик английской литературы Энтони Троллоп (1815–1882) раскрывает тему невест-бесприданниц, которую ранее затронули Джейн Остин и Шарлотта Бронте. В основе данного издания – анонимный перевод романа, предположительно выполненный В.В. Бутузовым и опубликованный в 1860-х годах в журнале «Современник». Для облегчения восприятия в тексте заменен целый ряд устаревших слов и выражений. Перевод сверен с оригинальным английским текстом и в ряде случаев исправлен ради большей точности. Во второй том вошли главы XXXI–LX.

ISBN 978-5-4484-8731-6

© Троллоп Э., 1864

© ВЕЧЕ, 1864

Содержание

Энтони Троллоп	6
Глава XXXI. Раненая лань	7
Глава XXXII. Гостиница Покинса на улице Джермин	13
Глава XXXIII. «Придет время»	20
Глава XXXIV. Битва	27
Глава XXXV. <i>Vae victis</i> [6]	32
Глава XXXVI. Торжествующий герой	40
Глава XXXVII. Сетования старика	48
Глава XXXVIII. Посылают за доктором Крофтсом	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Энтони Троллоп
Малый дом в Оллингтоне. Т. 2

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

* * *

Глава XXXI. Раненая лань

Прошло почти два месяца, и в Оллингтоне настало время рождественских праздников. Смею предположить, что в Большом и Малом оллингтонских домах не предполагалось проводить торжество шумно и весело. Рана, полученная Лилианой Дейл, была из числа тех, от которых нескоро оправляются, поэтому все семейство ощущало на сердце тяжесть, делающую невозможным любое веселье. Что касается самой Лили, то надо сказать, что она со всем мужеством, которое только можно ожидать от женщины, переносила свое несчастье. В первую неделю она стояла, как дерево, которое сопротивляется ветру и скоро должно разлететься в щепки, потому что не хочет гнуться. В течение этой недели спокойствие Лили пугало ее мать и сестру. Она выполняла все домашние обязанности, прогуливалась по деревне и в первое воскресенье показала в церкви на своем месте. По вечерам Лили садилась за книгу, удерживая слезы, и выражала легкий гнев на мать и сестру, когда замечала, что они смотрели на нее с особенным беспокойством.

– Мама, пусть все будет так, словно ничего не случилось, – сказала она.

– Ах, милая! Если бы это было возможно!

– Боже упаси, чтобы это было возможно ощутить сердцем, – отвечала Лили, – но внешне изобразить это очень даже возможно. Я чувствую, что вы выказываете мне гораздо более нежности, чем прежде, и это меня огорчает. Мне было бы несравненно лучше, если бы вы бранили меня за леность.

Но ее мать не могла обращаться с Лили так, как, может, обращалась бы с ней, если бы на нее, бедняжку, не обрушилось такое тяжелое горе. Она не могла перестать бросать на младшую дочь тревожные взгляды, которые показывали Лили, что на нее смотрят, как на смертельно раненную лань.

В конце первой недели Лили склонилась под бременем своей горести.

– Мне не хочется вставать, Белл, – сказала Лили однажды поутру. – Я нездорова. Я лучше полежу здесь одна. Пожалуйста, не поднимай из-за этого шум. Я глупа и сумасбродна и от этого захворала.

Мистрис Дейл и Белл перепугались, обе побледнели, когда они вспомнили рассказы о несчастных девушках, умиравших от несчастий в любви, потухавших, как тухнут небольшие светильники, когда на них довольно сильно пахнет ветерок. Но надо сказать, Лили не была таким легким светильником, как не была и деревом, которое должно бы сломиться, потому что не хотело гнуться. Она согнулась наконец под напором сильного ветра и оставалась в этом положении в течение недели, потом встала, сохранив свою прямую грациозную осанку, и огонек в ее глазах не потух.

После этого она свободнее могла говорить с матерью о своей потере – свободнее и с трезвой оценкой постигшего ее несчастья, но в то же время с такой верой в свою твердость, благодаря которой всякая мысль о разбитом сердце казалась глупостью.

– Я знаю, что перенесу это, – говорила Лили, – и перенесу, не оставаясь несчастной до конца дней. Но, разумеется, я должна всегда любить его и испытывать то чувство, которое вы сами испытали, лишившись моего отца.

Мистрис Дейл ничего не могла сказать на это. Она не могла выразить своего мнения относительно Кросби и объяснить Лили, что он недостоин ее любви. Любовь не знает оценок и не дарится за какие-либо преимущества, она не охладевает от дурных поступков, а удары, как бы они ни были тяжелы, не убивают ее. Лили заявила, что она все еще любит человека, который так низко поступил с ней, и потому мистрис Дейл должна была молчать. Обе вполне понимали друг друга, но по этому предмету они не могли свободно обмениваться мнениями.

– Обещайте мне, мама, что я никогда не наскучу вам, – сказала Лили.

– Мало найдется таких матерей, моя милая, которым бы наскучивали дети, как бы ни были они тяжелы для матерей.

– Мне трудно в это поверить, особенно если дети сделаются старыми девами. Я хочу, мама, также поступать по собственной воле, идти своим путем, если это возможно. Когда Белл выйдет замуж, я буду считать совместную жизнь с вами товариществом, и уж больше не буду исполнять того, что мне приказывают.

– «Предостережен» – значит «вооружен».

– Совершенно так, я не хочу заставить вас врасплох. Еще год, другой, пока Белл не выйдет замуж, я намерена повиноваться, но согласитесь, что для кого бы то ни было нелепо повиноваться всю жизнь.

Все это мистрис Дейл понимала вполне. Это следовало из слов Лили, сказавшей, что она любила однажды и уже больше никогда не сможет любить, что она сыграла свою игру, надеясь, как надеются и другие девушки, выиграть мужа, но не выиграла его, и потому игра не должна повторяться. Лили высказала это своей матери убежденно, но мистрис Дейл ни под каким видом не хотела разделять этого убеждения. Она надеялась, что время залечит рану Лили и что дочь ее, по всей вероятности, еще будет наслаждаться блаженством счастливого брака. В глубине души она никак не хотела согласиться с тем планом, по которому судьба Лили должна считаться решенной. В действительности ей никогда не нравился Кросби в качестве будущего зятя, и она отдавала предпочтение Джону Имсу, несмотря на его молодость, на его ребячество и малодушие. Могло еще случиться, что любовь Имса осчастливит Лили.

Между тем Лили, как я уже сказал, становилась более и более твердою в своих намерениях и начала новую жизнь без той грустной самоуверенности, что если она сделалась несчастнее других, то может позволить себе оставаться более праздною. Утром и вечером она молилась за него и ежедневно, почти ежечасно уверяла себя, что она все еще обязана, что все еще на ней лежит долг любить его. Но такой долг любви, без всякой возможности выразить свою любовь, долг весьма тяжелый.

– Мама, скажите мне, пожалуйста, когда настанет день его свадьбы, – сказала Лили однажды утром. – Умоляю вас, не скрывайте от меня.

– Его свадьба состоится в феврале, – сказала мистрис Дейл.

– Вы ведь скажите мне число, когда она будет? Этот день не должен быть для меня обыкновенным. Но ради Бога, мама, зачем у вас такой печальный вид? Поверьте, я не намерена вести себя глупо. Я не убегу от вас и не явлюсь перед брачным алтарем, как привидение.

После этих слов, сказанных в шутку, Лили заплакала и в ту же минуту спрятала лицо на груди матери. Прошла еще минута, и девушка успокоилась.

– Мама, поверьте мне, что я вовсе не несчастна, – сказала Лили.

По истечении второй недели, мистрис Дейл написала Кросби письмо:

«Полагаю (писала она), что долг вежливости требует, чтобы я уведомила вас о получении вашего письма. Не знаю, нужно ли говорить вам еще что-нибудь. Я не собираюсь становиться той, кто выскажет свое мнение относительно вашего поступка, но я уверена, что вместо меня вам все скажет ваша совесть. Если нет, то надо думать, что она совсем очерствела. Я обещала моей дочери написать вам от ее имени несколько слов: Лили просит передать вам, что она все прощает и не презирает вас. Да простит вас Бог, и да возвратите вы себе Его любовь.

Мэри Дейл.

Прошу вас не отвечать на это письмо ни мне, ни кому-либо из моих родственников».

Сквайр не писал ответа на полученное письмо и не принимал никаких мер к наказанию Кросби. Он говорил самому себе, что никакие меры к этому случаю неприменимы, и объяснял своему племяннику, что с подобным человеком следует поступить, как поступают с крысами.

– Мне не удастся встретиться с ним, – говорил он неоднократно. – А если встречу, то несколько не постыжусь ударить его тростью по голове, – разумеется, я не позволю себе такой глупости, чтобы преследовать его для этой цели.

А между тем старику было страшно досадно, что негодяй, так сильно оскорбивший его самого и его родных, должен остаться безнаказанным. Он не прощал Кросби. Ему не приходила в голову даже мысль о прощении. Он возненавидел бы самого себя, если бы подумал только, что его можно убедить в необходимости простить подобное оскорбление.

– В этом поступке заключается столько подлости, столько низости, что, право, я не понимаю, – снова и снова повторял он своему племяннику.

Прогуливаясь по террасе, он часто углублялся в размышления, стараясь угадать, примет ли Бернард какие-нибудь меры к отмщению за оскорбление своей кузины. «Он прав, – говорил сквайр... Бернард совершенно прав. Но в молодости я бы этого не вытерпел. В былое время за такой поступок этого негодя вызвали бы на дуэль. Человек был бы удовлетворен, зная, что он исполнил свой долг. Нет-нет, свет, как я вижу, совсем изменился». Действительно, свет изменился, но сквайр ни под каким видом не хотел сознаться самому себе, что эти перемены были отчасти и к лучшему.

Бернард тоже был сильно встревожен. Он был совсем не прочь драться дуэли, если бы теперь дуэли были возможны. Он считал дуэль делом невозможным, а если и возможным, то не без скандала. А если ему не представлялось возможности подраться на дуэли, то каким же другим путем можно было наказать негодя? Не очевиден ли был факт, что за подобное преступление свет не вынес никакого приговора? Не во власти ли человека, подобного Кросби, было получать удовольствие в течение двух-трех недель за счет счастья девушки и потом бросить ее без всяких последствий для себя? «После дуэли с Кросби меня исключают из клуба, – говорил Бернард про себя, – а его не исключают». Кроме того, какое-то неопределенное чувство подсказывало, что этот поступок доставлял Кросби некоторое торжество. Доставив себе удовольствие ухаживанием за такой девушкой, как Лили Дейл, без всякой расплаты, обычно следующей за подобным удовольствием, он многим будет представляться как человек, заслуживающий особенного внимания. Он провинился против всех Дейлов, а между тем все тяготы и скорби, возникшие по его вине, должны пасть исключительно на Дейлов. Таковы были размышления Бернарда, когда он рассматривал это дело, – размышления довольно грустные: он хотел отомстить, а между тем не видел никаких способов. Со своей стороны, мне кажется, Бернард сильно ошибался относительно того, как, по его мнению, друзья Кросби оценили бы этот поступок. Правда, мужчины всегда будут легко судить о подобных предметах, допуская, что в любви, как на войне, все дозволено, – будут даже с некоторой завистью говорить о счастье какого-нибудь отъявленного обманщика. Но я никогда не встречал человека, который бы думал так относительно самого себя. Собственные суждения Кросби насчет последствий, ожидавших его за тот поступок, были гораздо правильнее составленных Бернардом Дейлом. Он считал такой поступок позволительным, пока лишь собирался совершить его, и пока еще мог оставить его несовершеннолетним, но с минуты совершения это дело представлялось ему в истинном свете. Он знал, что поступил как негодяй, и знал, что другие люди будут считать его таковым. Так считал уже и его друг Фаулер Прат, который смотрел на женщин как на игрушки. Вместо того чтобы хвалиться своим поступком, он боялся намекнуть на какое-нибудь обстоятельство, имевшее связь с его женитьбой, боялся говорить о браке, как иной боится говорить о вещах, которые им украдены. Он уже замечал, что в клубе на него посматривают косо, и хотя он не опасался за сохранность своей шкуры и костей, но все же испытывал неопределенную тревогу по поводу того, что ему придется встретиться с Бернардом, нарочно для этой встречи вооруженным палкой. Сквайр и племянник его сильно ошибались, полагая, что Кросби оставался безнаказанным.

По мере приближения зимы Кросби более и более убеждался, что благородное семейство Де Курси следит за ним весьма внимательно. Некоторых членов этой благородной фамилии он уже научился ненавидеть всем сердцем. Достопочтенный Джон приехал в Лондон в ноябре и самым наглым образом начал преследовать Кросби, требовал от него давать обеды в клубе Себрайта, целый вечер курил в квартире своего будущего зятя и даже занимал деньги в счет будущих благ. Наконец, Кросби решил, что было бы благоразумно поссориться с достопочтенным Джоном, и соответственно поссорился, выгнав из своей квартиры и рассказав ему подробно, что не хочет иметь с ним никаких дел.

– Вы точно так же поступите с ним, как я, – говорил Мортимер Гейзби. – Я совестился семейства, но леди Эмилия сказала мне, что это должно быть так, а не иначе.

И Кросби принял этот добрый совет Мортимера Гейзби.

Между тем гостеприимство Гейзби становилось для Кросби невыносимее нахальства достопочтенного Джона. Казалось, что будущая невестка решила не оставлять его одного. Мортимер получил приказание привозить Кросби каждое воскресенье, и Кросби обнаружил, что вынужден отправляться на виллу в Сент-Джон-Вуд наперекор собственным желаниям. Он не мог полностью проанализировать все обстоятельства своего положения, но чувствовал, что похож на петуха с обрезанными шпорами или на собаку с вырванными зубами. Он стал послушным и кротким: не раз признавался самому себе, что боится леди Эмилии и не менее того боится Мортимера. Кросби знал, что они следили за ним и что им известен каждый его шаг. Они называли его Адольфом и сделали его ручным. По поводу приближающегося злополучного февральского дня ему прозвенели все уши. Леди Эмилия ездила искать мебель для него и по целым часам разговаривала о постелях и постельном белье. «Кухонные принадлежности я бы советовала взять у Томкинса. У него эти вещи превосходные, и притом же он уступит десять процентов, если вы купите на чистые деньги, в чем, конечно, нечего и сомневаться!» Неужели он только для этого и пожертвовал Лилианой Дейл? – неужели только для этого он и должен породниться с благородной фамилией Де Курси?

Мортимер с минуты возвращения в Лондон приступил к составлению брачного контракта и успел связать Кросби по рукам и ногам. Жизнь Кросби была застрахована, и полис находился в руках Мортимера. Небольшие собственные деньги Кросби уже были переданы Мортимеру для присоединения к небольшим деньгам леди Александрины. Кросби казалось, что все распоряжения делались с расчетом, что он должен скоро умереть и что тогда леди Александрина получит порядочный годовой доход, совершенно достаточный, чтобы проживать в Сент-Джон-Вуд. Между прочим, было установлено, что Кросби не может тратить доходов ни со своего капитала, ни с капитала леди Александрины. Они должны были идти чрез отеческие руки Мортимера Кросби на уплату страховых. Умри он на другой день свадьбы, и тогда леди Александрина получит порядочную сумму денег, принять которую не побрезговала бы дочь графа. Шесть месяцев тому назад Кросби считал себя способным обвести Мортимера Гейзби вокруг пальца в разговоре о каком угодно предмете, при встрече с ним Гейзби становился тогда покорнейшим слугою, считая Кросби за существо далеко его превосходящее. Тогда Кросби свысока смотрел на Гейзби, теперь же в руках этого человека Кросби казался совершенно бессильным.

Но сама графиня, пожалуй, становилась для Кросби предметом еще большего отвращения. Она беспрестанно писала ему маленькие записочки, в которых давала множество поручений, и вообще рассылала его по разным местам как лакея. Она надоедала ему советами, которые были в тысячу раз хуже всяких поручений, объясняла ему, какой образ жизни должна вести леди Александрина, и постоянно твердила, что такой человек, как он, не мог быть принят в столь благородное семейство, не заплатив весьма дорого за такую неоценимую привилегию. Ее письма становились для него отвратительными, и он откладывал их в сторону, не распечатывая их иногда по целым дням. Кросби уже решился поссориться и с графиней в самом непро-

должительном времени после женитьбы, он готов был отделаться от всего семейства, если бы это было возможно. А между тем он вступал в этот брак, собственно, с целью воспользоваться всеми выгодами, которые могли бы дать ему родственные связи с Де Курси! Сквайр и его племянник сильно ошибались, думая, что этот человек отделался от них без негативных последствий. Они не согласились бы подвергнуть себя такой пытке, которую переносил Кросби.

Нам уже известно, что Кросби должен был провести Рождество в замке Курси. Отделаться от этого удовольствия ему не представлялось никакой возможности, но он решил сделать свой визит как можно более кратким. К несчастью, Рождество приходилось на понедельник, а в семействе Де Курси все знали, что суббота в Генеральном комитете считалась днем почти что свободным от присутствия. Эти три дня принадлежали ему и семейству Де Курси неотъемлемо; что же касается дальнейшего срока, то он не замедлил предупредить леди Александрина, что начальники его – люди железные. «А вы знаете, что я должен взять отпуск еще и в феврале, – сказал он таким тоном, в котором почти что слышался вопль его души, – и потому дольше понедельника ни под каким видом не могу остаться». Если бы в замке Курси что-нибудь привлекало его, то, мне кажется, он мог бы без всякого затруднения получить от мистера Оптимиста отпуск дней на семь и даже на десять. «Мы будем одни, – писала Кросби графиня, – и вам представится случай узнать нас гораздо лучше, чем до сей поры». Это для Кросби было горше самой желчи. Но что же делать, в этом мире все более или менее дорогие удобства в жизни имеют свою цену, а когда люди, подобные Кросби, пожелают вступить в родство с благородной фамилией, они должны заплатить рыночную цену за ту вещь, которую покупают.

– Итак, в понедельник вы у нас обедаете, – сказал сквайр мистрис Дейл в середине недели, предшествовавшей Святкам.

– Мм, не думаю, – отвечала мистрис Дейл. – Мне кажется, будет лучше, если мы останемся дома.

В это время сквайр и его невестка были более дружны, чем прежде, и потому, уважая ее чувства, сквайр принял этот ответ почти за шутку. Он начал настаивать на своем и преуспел.

– А мне так кажется, вы ошибаетесь, – сказал он. – Я не думаю, что таким образом у нас получится счастливое Рождество. Вам и вашим дочерям вряд ли окажется весело в любом случае: будете ли вы кушать рождественский пудинг здесь или в Большом доме. Но лучше было бы для всех нас сделать попытку порадоваться празднику. Мне кажется, это совершенно справедливо. Так, по крайней мере, я смотрю на это дело.

– Я спрошу Лили, – сказала мистрис Дейл.

– Спросите, спросите. Поцелуйте ее и передайте ей от меня, что наперекор всему день Рождества Христова должен быть и для нее днем радости. Мы отобедаем в три часа и вечером отпустим прислугу.

– Разумеется, мы пойдем, – сказала Лили. – Почему же не пойти? Мы всегда проводили этот день в Большом доме. Как и в прошлом году, мы будем играть в жмурки со всеми Бойсами, если дядя пригласит их.

Но Бойсы в этот раз не были приглашены.

Лили, хотя и изображала веселость, в глубине души должна была страдать, и действительно страдала сильно. Если вам, читатель, случалось в мокрую погоду поскользнуться и попасть в сточную канаву, то не думали ли вы, что сочувственное внимание прохожих – самое худшее обстоятельство вашего неприятного положения? Не говорили ли вы в то время себе, что все бы ничего, если бы народ шел своей дорогой и не останавливался посмотреть на вас? А все-таки вы не можете винить тех, которые, останавливаясь, выражали свое сожаление, быть может, помогали вам очистить грязь и подавали запачканную шляпу. Вы сами, увидев падающего человека, не можете пройти мимо, как будто с ним ничего особенного не случилось. Так точно было и с Лили. Жители Оллингтона не могли смотреть на нее равнодушно. Они взирали

на нее с особенной нежностью, принимая ее за раненую лань, и этим только увеличивали боль ее раны. Старая мистрис Харп соболезновала ей, уверяя при этом, что она скоро поправится.

– Мистрис Харп, – говорила Лили. – Эта тема мне неприятна.

И мистрис Харп не говорила больше об этом, но при каждой встрече показывала глубокое сожаление.

– Мисс Лили! – сказал однажды Хопкинс. – Мисс Лили! – И когда взглянул ей в лицо, в его старых глазах показались слезы. – Я с самого начала знал, что это за человек. О, если бы я мог тогда его убить!

– Хопкинс, как вы смеете? – спросила Лили. – Если вы скажете мне еще что-нибудь подобное, я пожалуюсь дяде.

Лили отвернулась от садовника, но потом в ту же минуту подбежала к нему и протянула ему руку.

– Извините меня, Хопкинс, – сказала она, – я знаю, что вы добрый человек, и люблю вас за это.

«Не уйдет еще от меня, я ему сверну его грязную шею», – сказал себе Хопкинс, уходя в противоположную сторону от Лили.

Перед самым Рождеством Лили вместе с сестрой была приглашена в дом приходского священника. Во время визита Белл с одной из дочерей вышла из гостиной. Мистрис Бойс воспользовалась этим случаем, чтобы выразить сочувствие.

– Милая Лили, – сказала она, – не считите меня холодной, если я не говорю вам ни слова о вашей потере.

– Нет-нет, – сказала Лили довольно резко, будто хотела отпрянуть от неосторожной руки, которая собиралась тронуть ее рану, – бывают вещи, о которых никогда не следует говорить.

– Да-да, правда, – сказала мистрис Бойс, но в течение нескольких минут никак не могла перейти на другую тему разговора и вместо того с грустной нежностью смотрела на Лили.

Не считаю нужным говорить, каковы были страдания бедной Лили под такими взглядами, но Лили переносила их твердо, вполне сознавая, что мистрис Бойс не виновата в этом. Да и могла ли мистрис Бойс смотреть на нее иначе?

Наконец решено было, что Лили в день Рождества должна обедать в Большом доме и таким образом доказать оллингтонскому свету, что ее нельзя считать девушкой, которая под тяжестью постигшего ее несчастья должна оставаться в четырех стенах своего дома. Что Лили в этом отношении была благоразумна, тут, мне кажется, не может возникнуть ни малейшего сомнения, но когда после обедни Лили с матерью и сестрой переходила маленький садовый мостик, то отдала бы все на свете за возможность вернуться домой и лечь в постель вместо того, чтобы сесть за банкетный стол своего дяди.

Глава XXXII. Гостиница Покинса на улице Джермин

Выставка рогатого скота в Лондоне состоялась в этом году двадцатого декабря, и я имею достоверные сведения, что один из быков, выставленных лордом Де Гестом, был признан столичными мясниками за образец совершенства во всех отношениях. Нет сомнения, что спустя полстолетия мясники сделаются гораздо взыскательнее и гествикский бык, если бы его можно было забальзамировать и представить на выставку, послужил бы только поводом к осмеянию сельскохозяйственного неумения нынешних времен. Как бы то ни было, лорд Де Гест принимал похвалы и чувствовал себя на седьмом небе. В кругу мясников и людей, занимающихся разведением скота, он считал себя счастливейшим человеком, одни только эти люди и умели оценить труды его жизни, они одни считали его образцом джентльмена.

– Посмотрите-ка на этого молодца, – сказал он Имсу, указывая на быка, получившего приз. Имс, проведя положенные часы на службе, присоединился на выставке к своему патрону и любовался живым мясом при газовом освещении. – Не правда ли, что он похож на своего господина? Он прозван Ягненком.

– Ягненком? – сказал Джонни, который не успел еще хорошо ознакомиться с произведениями Гествика.

– Да, Ягненком. Это тот самый бык, который наделал нам хлопот. Точь-в-точь, как сам господин, и спереди, и сзади. Неужели вы не видите?

– Кажется, да, – отвечал Джонни. Он хоть и смотрел пристально, но сходства не находил.

– Очень странно, – продолжал граф. – Но бык после того дня сделался такой тихий, такой тихий, что я уж и не знаю, с кем его сравнить. Тогда всему виной был красный носовой платок.

– Очень может быть, – заметил Джонни. – А может быть, и мухи.

– Мухи!? – гневно воскликнул граф. – Вы полагаете, что он не привык к мухам? Вздор! Пойдемте домой. Я заказал обед к семи часам, а теперь половина седьмого. Зять¹ мой, полковник Дейл, тоже в Лондоне, он будет обедать вместе с нами.

С этими словами лорд Де Гест взял Джонни под руку и повел по выставке, обращая его внимание на различных животных, далеко уступавших во всем его собственным.

Миновав Портман-сквер, Гросвенор-сквер и пройдя Пикадилли, они очутились на улице Джермин². Во время этого перехода Джонни Имсу казалось чрезвычайно странным идти под руку с графом. Дома, в столичной жизни, его ежедневными собеседниками были Кредль и Эмилия Ропер, мистрис Люпекс и мистрис Ропер. Разница была огромная, а между тем он обнаружил, что ему так же легко беседовать с графом, как и с мистрис Люпекс.

– Вы, вероятно, знаете оллингтонских Дейлов, – сказал граф.

– Как же, знаю.

– Но, может, никогда не встречали полковника?

– Кажется, никогда.

– Большой чудак, живет довольно порядочно, а между тем ничего не делает. Он с моей сестрой живет в Торки, и, насколько мне известно, они оба не имеют никакого занятия. Он приехал в Лондон, чтобы встретиться со мной у наших поверенных для подписания некоторых бумаг. Эта поездка для него наказание. Я старше него всего на год, а, право, для меня ничего бы не значило ездить сюда из Гествика хоть каждый день.

– Чтобы посмотреть на быка, – заметил Джонни.

– Ей-богу, вы угадали, мистер Джонни! Сестра моя и Крофтс могут говорить, что им угодно, но когда человек проводит каждый день часов по восьми или девяти на чистом воздухе,

¹ Здесь: муж сестры.

² Фешенебельные улицы в центре Лондона.

то после этого ему, я думаю, захочется заснуть. Вот и гостиница Покинса – отличная гостиница, но не так впрочем хороша, как была при жизни старого Покинса. Проводите мистера Имса в его комнату.

Полковник Дейл в лице имел большое сходство с братом, но был выше его ростом, сухощавее и на вид старше. Когда Имс вошел в общую гостиную, полковник сидел там один, и потому Джонни должен был принять на себя труд отрекомендоваться. Полковник не встал с места, но ласково поклонился молодому человеку:

– Мистер Имс? Я знал вашего отца в Гествике много-много лет тому назад.

Сказав это, полковник Дейл вздохнул и снова повернулся к камину.

– Сегодня что-то очень холодно, – сказал Джонни, стараясь завязать разговор.

– В Лондоне всегда бывает холодно, – заметил полковник.

– Если бы вы побывали здесь в августе, вы бы этого не сказали.

– Избави Боже побывать, – сказал полковник и снова вздохнул, не отводя глаз от камина.

Имс слышал о храбром поступке Орландо Дейла, когда тот увез сестру лорда Де Геста, несмотря на страшные, непреодолимые преграды, и теперь, глядя на такого неустрашимого героя, подумал, что с того времени в нем произошла большая перемена. После этого ничего больше не было сказано до прихода графа.

Гостиница Покинса была старинная во всех отношениях. Потомок Покинса стоял позади стула графа и, когда начался обед, сам снял крышку с суповой миски. Лорд Де Гест не требовал особенного внимания к своей личности, но ему было бы досадно, если бы вовсе не оказывали внимания. Он сказал Покинсу несколько любезных слов, показав этим, что он не принимает Покинса за одного из лакеев. Получив приказание его сиятельства насчет вина, Покинс удалился.

– Он довольно сносно поддерживает это старое заведение, – сказал граф своему зятю, – правда, теперь далеко не то, что было лет тридцать тому назад, все как-то становится хуже и хуже.

– Полагаю, да, – сказал полковник.

– Помню время, когда у старого Покинса бывал такой портвейн, какой я держу дома, или почти такой. Теперь у них не найдется такого вина.

– Я никогда не пью портвейна, – сказал полковник. – Вообще после обеда я редко пью что-нибудь, разве иногда немного негуса³.

Граф ничего не сказал, но, наклонившись к тарелке, сделал самую красноречивую гримасу. Имс видел это и едва удержался от смеха. В половине десятого, когда за удалившимся полковником затворилась дверь, граф всплеснул руками и, передразнивая зятя, произнес: «Негус!» В это время Имс не мог удержаться и разразился хохотом.

Обед был весьма скучный, так что Джонни до ухода полковника сожалел, что его принудили обедать в гостинице Покинса. Конечно, прекрасная вещь – получить приглашение к графскому обеду. Все предшествовавшие обстоятельства возвышали его в глазах сослуживцев, и это немало льстило его самолюбию, но, сидя за столом, на котором лежало четыре или пять яблок и стояла тарелка с орехами, и поглядывая то на графа, который всеми силами старался держать глаза открытыми, то на полковника, для которого было решительно все равно, спят его собеседники или бодрствуют, Джонни признавался себе, что честь находиться за графским столом обходится ему слишком дорого. За чайным столом мистрис Ропер не бывало весело, но все же Джонни отдавал ему предпочтение пред столом Покинса с обществом двух скучных стариков, с которыми он не имел ничего общего для разговора. Раза два он старался заговорить с полковником, во все глаза смотревшим на каминный огонь, но полковник отвечал одно-

³ Негус – напиток из красного вина с сахаром, похожий на глинтвейн.

сложно, поэтому стало очевидно, что он вовсе не имел желания беседовать. В послеобеденные часы полковник Дейл находил удовольствие в молчании, сложив руки на коленях.

Граф, однако же, знал, что его гости скучают. Во время страшной борьбы с дремотой, в которой бог сна одержал над ним минут на двадцать решительную победу, совесть упрекала его, что он поступает со своими гостями весьма не деликатно. Он сердился на себя, старался не дремать и завести разговор, но зять не оказывал ему ни малейшей помощи в его усилиях, и даже Имс не блистал в этом отношении. Поэтому минут двадцать проведены были в самом сладком сне, и граф проспал бы еще больше, но его разбудило одно из его сильных всхрапываний.

– Ей-богу! – сказал он, вскочив на ноги и встав на ковер. – Выпьемте кофе!

После этого он более не спал.

– Дейл, – сказала, он, – не хочешь ли бокал вина?

– Больше нет, – отвечал полковник, отрицательно покачав головой и не отрывая глаз от камина.

– Джонни, наливайте свой бокал.

Граф, узнав, что мистрис Имс называла своего сына не иначе как Джонни, тоже начал обращаться к нему так.

– Я наполнял его все это время, – сказал Имс и все-таки взялся за графин.

– Я рад, что для вас было хоть какое-нибудь развлечение. Кажется, вы и Дейл не слишком-то разговорились друг с другом. Ведь я все время слушал вас.

– Ты все время спал, – сказал полковник.

– Это может служить извинением моему молчанию, – сказал граф. – Кстати, Дейл, какого ты мнения об этом... Кросби?

– Какого я мнения?

Имс наострил уши, в один момент исчезла вся скука.

– Ему следовало бы переломать все кости, – продолжал граф.

– Непременно бы следовало, – сказал Имс, вскочив со стула и заговорив несколько громче, чем, может, подобало в присутствии старших. – Непременно бы следовало, милорд. Это самый гнусный мерзавец, какого я встречал в жизни. Желал бы я быть братом Лили Дейл.

После этого он снова сел, вспомнив, что говорил в присутствии дяди Лили, отца Бернарда Дейла, который должен для Лили занимать место брата.

Полковник отвернулся от камина и с удивлением посмотрел на молодого человека.

– Извините, сэр, – сказал Имс. – У меня вырвались эти слова, потому что я знаю мистрис Дейл и ваших племянниц с тех пор, как себя помню.

– В самом деле? – спросил полковник. – Но все же не следовало бы обращаться так свободно с именем молоденькой барышни. Впрочем, мистер Имс, я не обвиняю вас.

– Есть ли еще за что обвинять? – спросил граф. – Я уважаю в нем это чувство. Джонни, мой друг, если, к несчастью, придется мне встретиться с этим человеком, я ему выскажу свое мнение. Думаю, и вы сделаете то же самое.

Выслушав это, Джон Имс подмигнул графу и сделал движение головой, по направлению к полковнику, сидевшему к нему спиной. Граф ответил ему тем же жестом.

– Де Гест, – сказал полковник, – я отправляюсь наверх, пора принять аррорут⁴.

– Я позвоню, чтобы подали свечу, – сказал граф.

Полковник удалился, и в это самое время, когда дверь закрылась, граф и произнес слово «негус», передразнивая полковника. Джонни разразился хохотом и, подойдя к камину, занял кресло Дейла.

⁴ Крахмальная мука, получаемая из корневищ, клубней и плодов тех или иных тропических растений. Изначально – из маранты тростниковой. Является лечебным средством при болезнях обмена веществ.

– Конечно, это прекрасно, – сказал граф, – но сам я бы не желал пить негус, а тем меньше принимать аррорут.

– Ведь от этого вреда не может быть.

– О нет. Интересно, что бы сказал о нем Покинс! Впрочем, здесь много всякого рода чудаков.

– Лакей, мне кажется, особо не задумывается о том, что ему приносит.

– Разумеется. Если бы мой зять приказал ему принести александрийского листу с английской солью, то, право, лакей не обнаружил бы ни малейшего удивления. Однако вы его тронули за живое, заговорив насчет этой бедной девушки.

– Неужели, милорд? Я говорил без всякого умысла.

– Ведь вы знаете, он отец Бернарда Дейла, и тут сейчас рождается вопрос: накажет ли Бернард этого негодяя за его гнусный поступок? Кто-нибудь должен же наказать. Нельзя же позволить ему отвертеться. Кто-нибудь должен дать знать мистеру Кросби, каким он сделался подлецом.

– Я завтра же это сделаю, только боюсь...

– Нет, нет, нет! – вскричал граф. – Вы совсем не подходящий для этого человек. Какое вам дело до этого? Вы человек посторонний, положим, что друг семейства, но этого недостаточно.

– Я тоже думаю, что недостаточно, – печально сказал Джонни.

– Мне кажется, лучше всего оставить это дело, как оно есть. Какая будет польза, если его поколотить? И притом если мы христиане, то и должны поступать по-христиански.

– Какой он христианин?

– Правда-правда, будь я на месте Бернарда, я бы, по всей вероятности, забыл библейские уроки о кротости и милосердии.

– Знаете ли, милорд, по моему мнению, большинство христиан во всем мире избили бы его хорошенько. Бывают поступки, за которые следует так избить, чтобы не осталось у человека на теле живого места.

– Чтобы впредь этого не делал?

– Да. Вы скажете, пожалуй, что и повесить человека – это не по-христиански.

– Убийцу я бы всегда повесил, но несправедливо было бы вешать людей за кражу овец.

– Гораздо лучше повесить такого мерзавца, как Кросби, – сказал Имс.

– С этим я совершенно согласен. А если кто хочет снискать милость этой молоденькой барышни, то вот хорошая возможность – избить ее обидчика.

Минуты две Джонни оставался безмолвным.

– Нет, я этому не верю, – уныло сказал Джонни. Казалось, огорченный от сознания того, что, поколотив бывшего поклонника Лили, не может рассчитывать на ее милость.

– Правда, я мало знаком с сердцами молоденьких девушек, – сказал лорд Де Гест, – но мне кажется, что это должно быть так. Я полагал, что ничто в мире не доставило бы такого удовольствия Лили Дейл, как известие, что мерзавца отколотили и что об этом сделалось известно всему свету.

Граф, заявив, что мало знаком с сердцами молоденьких девушек, сказал, без всякого сомнения, истину.

– Если бы я полагал так же, – сказал Имс, – то завтра же отыскал бы его.

– Это зачем? Разве для вас не все равно: будет он побит или нет?

Наступила пауза, в течение которой Джонни едва не расплакался.

– Не хотите ли вы сказать, что влюблены в мисс Лили Дейл?

– Не знаю, влюблен ли я в нее, – сказал Джонни, весь вспыхнув. Он решился рассказать своему другу всю истину. Портвейн Покинса как-то особенно располагал к откровенности. – Но знаю, милорд, что для нее я готов идти в огонь и воду. Я знал ее много лет прежде, чем

он впервые ее увидел, и любил ее так, как ему никогда не любить. Когда я услышал, что она приняла его предложение, то готов был перерезать горло или себе, или ему.

– Вот оно что, – проговорил граф.

– Это смешно, я знаю, – сказал Джонни. – Моего предложения она, разумеется, не приняла бы.

– Я не вижу причины для отказа.

– За душой у меня нет ни шиллинга.

– Да девушки и не думают об этом.

– И притом я всего лишь клерк в управлении сбора податей! А это такая ничтожная должность.

– Да и тот всего лишь клерк, только в другом учреждении.

Граф, живя в Гествике, вовсе не знал, что управление сбора податей находилось в Сити, а Генеральный комитет – в Уайтхолле и что их разделяла страшная бездна.

– О да, – сказал Джонни, – только его учреждение – вещь совсем другого рода, и притом еще он такой франт, такой молодец.

– Ей-богу, ничего этого я в нем не замечаю, – возразил граф.

– Нисколько не удивительно, что она приняла его предложение. Я возненавидел его с первой минуты, как его увидел, но это еще не может служить поводом к тому, что она должна тоже ненавидеть его. У него такие элегантные манеры, а девушкам это и нравится. На нее я никогда не сердился, а его так бы вот и прибил.

Говоря это, Джонни сделал движение, как будто намеревался применить слово к делу, если бы перед ним стоял Кросби.

– А вы ей делали предложение? – спросил граф.

– Нет, да и мог ли я сделать это, когда у меня самого нет куска хлеба?

– И вы даже не сказали ей... что влюблены в нее или что-нибудь в этом роде?

– Теперь она это знает, – отвечал Джонни. – Перед отъездом сюда, полагая, что она непременно выйдет за него, я пришел проститься с ней и, право, не мог не высказать, что было на душе.

– Мне кажется, мой милый друг, что вы должны быть премного обязаны Кросби, если вы намерены...

– Знаю, милорд, что вы хотите сказать. Я ему ни на волос не обязан. Я убежден, что все это убьет ее. Что касается меня, то, если бы я знал, что она примет...

Снова наступила пауза, граф видел, что на глаза Джонни навернулись слезы.

– Кажется, я начинаю понимать, в чем дело, – сказал граф, – и могу дать вам хороший совет. На Рождество приезжайте-ка в Гествик провести со мной праздники.

– О, милорд!

– Пожалуйста, без милордства, а сделайте так, как я вам говорю. Да, кстати, леди Джулия дала мне поручение, чуть было не позабыл. Она лично хочет поблагодарить вас за подвиг в моем поле.

– Все это, милорд, чистейшие пустяки.

– Прекрасно, вы ей так и скажите. Честное слово, она ненавидит Кросби не меньше вашего и готова бы, по вашему выражению, прибить его до полусмерти, да не знает, как это сделать. Вы приедете на Святки в Гествик, а оттуда отправитесь в Оллингтон и откровенно расскажете там, что у вас на душе.

– Теперь я не в состоянии сказать ей ни слова.

– В таком случае объяснитесь со сквайром. Поезжайте и смело расскажите ему, что думаете. Пожалуйста, не говорите мне об этих франтах, об этих молодцах. Кто честно поступает во всем, тот и молодец. Только такого человека я и признаю за молодца. Поезжайте прямо к старому Дейлу и скажите ему, что приехали от меня, из гествикского дома. Скажите ему, что

если он подложит под котел тростинку, чтобы вскипятить его, то я подбавлю хворостину. Он поймет, что это значит.

– О нет, милорд.

– А я говорю «да». – И граф, стоявший в это время на ковре перед камином, глубоко запустил руки в карманы своих штанов. – Я очень люблю эту девушку и готов сделать для нее многое. Спросите леди Джулию, не говорил ли я ей это задолго прежде, чем узнал, что вы смотрите на нее овечьими глазами. А теперь тем больше, ведь я у вас в долгу, мистер Джонни. Господь с вами! Ведь я отлично знал вашего отца и, сказать по правде, кажется, я-то и помог ему разориться. Он арендовал землю у меня, вы знаете, и это его разорило, тут нет и не может быть сомнения. Он столько же знал о какой-нибудь скотине, столько... сколько вон этот лакей. Доживи он до сегодняшнего дня, право, не был бы умнее.

Джонни молчал, глаза его были полны слез. Да и что мог он сказать своему другу.

– Поедьте со мной, – продолжал граф, – и вы увидите, что все будет устроено как нельзя лучше. Действительно, вы правы, ей сейчас нельзя говорить об этом. Но расскажите все ее дяде, а потом и матери. Главное – не думайте, что вы ее не стоите. Мужчина никогда не должен так думать. Поверьте, что в жизни ценят людей по их собственному достоинству. Если бы вы были сделаны из грязи, как этот Кросби, то, без сомнения, вас бы разгадали. Но ведь я не думаю, что вы сделаны из грязи.

– Я тоже так не думаю.

– То-то же. Вы можете, полагаю, отправиться со мной послезавтра.

– Боюсь, что нельзя. Я уже был в отпуске.

– Хотите, я напишу старому Бофлю и попрошу его об одолжении?

– Нет, – сказал Джонни, – не хочу. Завтра я посмотрю и дам вам знать. Во всяком случае я, могу приехать в субботу вечером, на почтовом поезде.

– Это будет не совсем удобно. Нельзя ли поехать со мной? Теперь, доброй ночи, мой милый, помните, что если я что скажу, то и сделаю. Могу похвастаться, что от слова своего никогда еще не отрекался.

С этими словами граф протянул своему гостю левую руку и, посмотрев довольно величественно поверх головы молодого человека, правой ладонью три раза ударил себя в грудь. В продолжение этой небольшой сцены Джон Имс чувствовал что перед ним настоящий граф.

– Не знаю, что вам сказать, милорд.

– Ничего... ничего мне не говорите. Твердите лучше себе, что трус никогда не сыщет хорошей невесты. Доброй ночи, мой друг, доброй ночи. Завтра я дома не обедаю, но вы можете зайти ко мне часов в шесть и сказать, как вы решите насчет поездки.

Имс вышел из комнаты, не сказав больше ни слова, и вскоре очутился в объятиях холода, ступив на мостовую улицы Джермин. Была светлая лунная ночь, мостовая лоснилась и была так чиста, как ручка какой-нибудь леди. С той минуты, как он вошел в гостиницу Покинса, весь мир для него изменился. Неужели вероятно, что Лили Дейл еще может сделаться его женой? Правда ли, что он даже теперь находился в таком положении, что смело мог идти к оллингтонскому сквайру и объявить ему свои виды на его племянницу Лили? До какой степени можно было полагаться на слово графа Де Геста? Чтобы жениться на Лили Дейл, необходимо иметь состояние. Двести или триста фунтов в год, это по меньшей мере! Неужели граф дал ему понять, что любая необходимая сумма будет предоставлена ради такого дела? Как бы там ни было, шагая по направлению к дому, в Буртон-Кресцент, Джонни решил, что должен ехать в Гествик, повиноваться повелению графа. Относительно самой Лили он чувствовал, что перед ней еще долго, долго нельзя будет открыться.

– Ах, Джон, как вы запоздали, – воскликнула Эмилия, выскочив из дальней комнаты, когда Джонни показался в приемной.

– Да, очень запоздал, – сказал Джонни и, взяв свечку, прошел мимо нее, не сказав ни слова.

Глава XXXIII. «Придет время»

– Слышали, что молодой Имс гостит в гествикском поместье?

Так как это были первые слова, которые сквайр сказал мистрис Дейл, когда она со своими дочерьми явилась в Большой дом после обедни в первый день Рождества, то было очевидно, что известие о приезде Джонни произвело на него некоторое впечатление.

– В гествикском поместье? – переспросила мистрис Дейл. – Скажите пожалуйста! Слышала, Белл? В гору, в гору пошел мастер Джонни!

– Разве вы не помните, мама, – произнесла Белл, – что он помог лорду Де Гесту в той трудной ситуации с быком?

Лили, помнившая все моменты своего последнего свидания с Джоном Имсом, ничего не сказала, но почувствовала в сердце боль при одной мысли, что он так близко от нее и в такое время. Ей нравилось, что он приходил к ней проститься и рассказал все, что было на душе. После сцены в саду она уважала его больше прежнего. Но теперь она считала бы себя обиженной, если бы он явился к ней при таких обстоятельствах.

– Я никак не думал, что лорд Де Гест выкажет так много признательности за такую пустую услугу, – сказал сквайр. – Как бы то ни было, завтра я еду к нему обедать.

– И повидаться с молодым Имсом? – спросила мистрис Дейл.

– Да, в особенности повидаться с молодым Имсом. По крайней мере, лорд Де Гест убедительно меня просил приехать и при этом объявил, что у него будет молодой человек, о котором идет речь.

– Бернارد тоже едет?

– Нет, я не поеду, – отвечал Бернارد. – Завтра я обедаю у вас.

У Лили мелькнуло не вполне осознанное подозрение, что происходящее об обеде у Де Геста как-нибудь непременно должно касаться ее. Но эта идея так же быстро исчезла, как и появилась, оставив после себя неприятное чувство. Бывают болезни, при которых страдает весь организм. Стоит только прикоснуться или даже сделать вид, что вы намерены прикоснуться к пациенту, и он закричит от боли, как будто у него изранено все тело. То же самое бывает и с душевными болезнями. Такая скорбь, в какой находилась бедная Лили, производит в сердце боль во всех его частях и заставляет страдальца постоянно страшиться новых ран. Лили терпеливо несла свой крест, но тем не менее он тяготил ее при каждом повороте, потому, собственно, что у нее доставало силы ходить под его тяжестью, как будто она не несла этого ига. Что бы ни случилось с ней самой, о чем бы ни говорили в ее присутствии, все имело некоторую связь с ее горьким положением. Так и теперь, ее дядя отправлялся повидаться с Джонни Имсом в доме лорда Де Геста, следовательно, там непременно будут говорить о ней, а разговор подобного рода был для нее убийствен.

Время после обеда прошло не очень весело. Пока слуги находились в столовой, обед шел совершенно так, как и другие обеды, с той лишь разницей, что если за столом сидят свои родные, то между ними допускается частица притворства. За обедом в смешанной компании люди могут произносить в присутствии Ричарда и Вильяма те же слова, которые они употребили бы, если бы тут не было ни Ричарда, ни Вильяма. В таком обществе никто не высказывает своих сокровенных мыслей. Но когда соберутся родные и близкие друзья, то разговор невольно становится сдержанным, пока не удалится прислуга.

– Мой отец был в Лондоне, – сказал Бернارد после обеда. – Он останавливался с лордом Де Гестом в одной гостинице.

– Почему же вы не съездили повидаться с ним? – спросила мистрис Дейл.

– И сам не знаю. Впрочем, кажется, и он этого не желал. В феврале думаю съездить в Торки. Недели через две я должен совсем уехать в Лондон.

После этого все молчали в течение нескольких минут. Если бы Бернард хотел сказать правду, он бы сознался, что у него вовсе не было настроения ехать в Лондон, потому собственноручно, что он еще не знал, как поступить при встрече с Кросби. Его размышления по этому поводу бросали некоторую тень на душу бедной Лили, заставляя девушку ощущать, что ее рана снова открылась.

– Я хочу, чтобы он совсем оставил службу, – сказал сквайр твердо и несколько протяжно. – Было бы гораздо лучше для нас обоих, если он сделает это.

– Однако будет ли это благоразумно в такой период его жизни, – возразила мистрис Дейл, – и особенно когда дела идут так хорошо?

– Я думаю, что будет благоразумно. Если бы он был моим сыном, он должен был бы жить в имении, между людьми, которые впоследствии сделались бы его арендаторами, а отнюдь не оставаться в Лондоне, откуда того и гляди, что отправят в Индию. Как наследник этого места, он должен служить здесь, и этого, мне кажется, довольно.

– Только я здесь совсем излечусь, – сказал Бернард.

– В этом сам будешь виноват. Если ты поступишь так, как я мне бы хотелось, твоя жизнь не будет праздной.

Этими словами сквайр намекнул на предположительную женитьбу, но в присутствии Белл дальнейший разговор становился невозможным. Белл все поняла и молчала, приняв серьезный вид, – на лице ее отразилась даже некоторая суровость.

– Но дело в том, – продолжала мистрис Дейл вполголоса, сообразив, что ей нужно говорить, – дело в том, что Бернард для вас не все равно что родной сын.

– Почему же нет? – спросил сквайр. – Я даже предложил передать ему все имение, если он оставит службу.

– Вы не обязаны делать для него то, что обязаны были бы сделать для сына, а потому и он не обязан вам настолько, насколько был бы обязан своему отцу.

– Если вы хотите сказать, что я не могу приневоливать его, то я знаю это очень хорошо. Что касается денег, то я решился сделать для него все, что только должен сделать по совести отец для своего единственного сына.

– Надеюсь, вы не считаете меня неблагодарным, – сказал Бернард.

– Нет, совсем нет, но я считаю тебя беззаботным. Впрочем, больше я не стану говорить ни о том, ни о другом. Если ты женишься...

И сквайр остановился, сознавая, что в присутствии Белл дальше этого идти нельзя.

– Если он женится, – сказала мистрис Дейл, – то, может быть, его жена захочет оставаться в своем доме.

– Почему же не в этом? – сердито сказал сквайр. – Разве он не достаточно велик? Для меня самого довольно одной комнаты, да я и ту отдам, если понадобится.

– Ну, это пустяки, – сказала мистрис Дейл.

– Нет, не пустяки.

– Вы будете оллингтонским сквайром еще лет двадцать, – сказала мистрис Дейл. – А пока вы сквайр, вы должны быть хозяином этого дома, по крайней мере, я так думаю.

Разговор о перспективе Бернарда этим и кончился.

– Мистрис Харп, полагаю, обедает сегодня у священника? – спросил сквайр.

– Да, из церкви она отправилась туда, – сказала Белл, – я видела, что она пошла с мистрис Бойс.

– Она мне говорила, что зимой, после сумерек, никогда не будет обедать у них, – сказала мистрис Дейл. – В последний раз, когда она возвращалась оттуда домой, какой-то мальчик затушил ей фонарь, и она сбилась с дороги. По правде сказать, она рассердилась на мистера Бойса за то, что он не пошел проводить ее.

– Она всегда и на всех сердится, – заметил сквайр. – Сейчас она со мной не говорит. Отдавая как-то Джоллифу арендные деньги, она выразила надежду, что деньги эти меня успокоят, как будто она считает меня за какого-то зверя.

– Она так и считает, – сказал Бернард.

– Она очень стара, – сказала Белл.

– На вашем месте, дядя, – сказала Лили, – я бы позволила ей жить даром.

– Нет, моя милая, на моем месте ты бы этого не сделала. Сделав это, я поступил бы несправедливо. Почему же мистрис Харп должна жить даром – и, пожалуй, еще получать даром стол и одежду? Было бы гораздо благоразумнее с моей стороны выдавать ей ежегодно известную сумму, но и это было бы тоже несправедливо, потому что она не принадлежит к числу людей, которым нужно подавать милостыню, несправедливо было бы и с ее стороны принимать подавание.

– Она не примет его, – сказала мистрис Дейл.

– Не думаю и я, что примет. Но если бы и приняла, то, право, стала бы ворчать, что ей не дали вдвое больше. Если бы мистер Бойс и пошел провожать ее, она стала бы ворчать, что он идет слишком скоро.

– Ведь она очень стара, – повторила Белл.

– Однако это не дает ей никакого права говорить обо мне перед моими слугами с пренебрежением. Она не должна этого делать из уважения к самой себе.

По тону сквайра заметно было, что это его оскорбляет.

Весьма длинный и весьма скучный был этот рождественский вечер, он укрепил Бернарда в мысли, что с его стороны было бы в высшей степени нелепо оставить службу и привязать себя к Оллингтону. Женщины легче мужчин привыкают к длинным, скучным, без всяких занятий, часам, и поэтому мистрис Дейл и ее дочери спокойно и терпеливо переносили скуку. Пока Бернард зевал, потягивался, выходил из гостиной и опять входил, они скромно сидели, слушая, как сквайр высказывал суждения по пустым предметам, и время от времени возражали и противоречили, когда все единодушно видели в его доводах вопиющую несправедливость.

– Разумеется, вы знаете лучше моего, – говорил сквайр после подобных возражений.

– Вовсе не лучше, – отвечала мистрис Дейл, – я даже могу сказать, что ничего не знаю об этом, но...

Таким образом прошел весь вечер, и, когда сквайр в половине десятого остался один, то чувствовал, что день для него прошел недурно. Проведенное время вполне соответствовало его образу жизни, и лучшего он не ожидал. Он не рассчитывал на какие-нибудь особенные удовольствия, и если не был счастлив в этот вечер, то, во всяком случае, был очень доволен.

– Подумать только, что Джонни Имс гостит в гествикском поместье! – сказала Белл по дороге к дому.

– Почему же и не гостить, – сказала Лили. – Конечно, я бы не желала быть на его месте, потому что леди Джулия такая сварливая старуха.

– И что же это значит, что вашего дядю приглашают туда, в особенности для свидания с Джонни? – сказала мистрис Дейл. – Разумеется, тут есть какая-нибудь причина.

Нам всем известно, что тут была особенная причина и что сердце бедной Лили не обманулось в своем таинственном предчувствии. Имс вечером после обеда в гостинице Покинса виделся с графом и объяснил ему, что раньше субботы он не может выехать из Лондона, но зато останется в Гествике до среды. Он должен быть в управлении в среду к двенадцати часам и, следовательно, на раннем поезде мог поспеть к этому времени.

– Очень хорошо, Джонни, – сказал граф своему молодому другу, держа в руке свечу, потому что отправлялся наверх переодеться. – В таком случае я вот что скажу: я обдумал наше дело. Во вторник я приглашу Дейла к обеду, и если он приедет, то объяснюсь с ним сам. Он деловой человек и сразу поймет меня. Если же он не приедет, тогда вы должны отправиться

в Оллингтон и увидаться с ним в тот же вторник утром, или я сам к нему съезжу, смотря по тому, что будет лучше. Теперь же прошу меня не задерживать, я уже и так опоздал.

Имс и не думал задерживать его, он сам торопился, довольный, что все устроивается для него удивительным образом. По приезде в Оллингтон он узнал, что сквайр принял предложение графа. Тут уже Джонни увидел, что отступление невозможно, да он вовсе и не думал отступать. Единственным и величайшим его желанием в жизни было называть Лили Дейл своей женой. Джонни только побаивался сквайра, он думал, что сквайр отвергнет его предложение и, еще, пожалуй, отнесется с пренебрежением, и что граф Де Гест осознает свою ошибку, когда услышит, что его подопечный получил отказ да еще с пренебрежением. Решено было, что граф за несколько минут до обеда пригласит сквайра в свой кабинет. Джонни чувствовал, что будет едва ли в состоянии удержаться на месте, когда два старика после совещания явятся в гостиную.

Леди Джулия обошлась с ним очень хорошо, не важничала перед ним, а напротив – старалась быть очень любезной. Брат рассказал ей всю историю, и она не менее его стремилась найти Лили другого мужа вместо этого чудовища Кросби.

– Ей еще очень повезло избавиться от него, – говорила леди Джулия своему брату. – Очень повезло.

Граф соглашался с этим, говоря, что, по его мнению, его любимец Джонни будет для нее отличным мужем. Леди Джулия сомневалась только насчет согласия Лили.

– Во всяком случае, Теодор, он пока ничего не должен говорить ей.

– Разумеется, – отвечал граф, – не должен говорить, по крайней мере, с месяц.

– А по-моему, чтобы вернее был успех, то месяцев шесть.

– Сохрани Боже! За это время ее подцепит кто-нибудь другой, – сказал граф.

В ответ на это леди Джулия только покачала головой.

Из церкви в день Рождества Джонни отправился к матери, там его приняли с большим почетом. Мистрис Имс дала ему множество наставлений относительно его поведения за столом графа, касаясь даже малейших подробностей насчет сапог и белья. Но Джонни начинал убеждаться в гествикском доме, что люди не так сильно различаются в своих привычках и образе жизни, как некоторые полагают. Правда, манеры леди Джулии были далеко не те же, что манеры мистрис Ропер, но она точно так же готовила и разливала чай, как его готовили и разливали в Буртон-Кресценте, и Джонни на другое же утро увидел, что может есть яйца всмятку без малейшего дрожания в руках, несмотря на то что на рюмке, куда вставлялось яйцо, красовалась графская коронка. Накануне Рождества, в церкви, сидя на графской скамье, он чувствовал себя не на своем месте. Казалось, что на него устремлены глаза всех прихожан, но в день Рождества он уже не испытывал этого неудобства, ему так спокойно было на мягкой подушке, что он во время проповеди чуть не заснул. А когда Джонни по выходе из церкви вместе с графом приблизился к тем воротам, через которые граф не так давно перелезал, напрягая последние силы, и когда осмотрел живую изгородь, сквозь которую проскочил сам, спасаясь от быка, то чувствовал себя совершенно как дома. Джонни шутил и подтрунивал над акробатикой своего величавого спутника. Надо заметить, что молодые люди могут держать себя свободно и позволять себе шутки двояким образом – приятным и обидным. Если бы в натуре Джонни была склонность к последнему, то граф сейчас же повернулся бы к нему спиной и положил бы конец неравной игре. В Джонни этого не было, и потому он нравился графу.

Наконец наступил вторник, а потом и час обеда, или, вернее, час, в который сквайр должен был явиться в гествикский дом. Имс, по условию со своим патроном, мог спуститься в гостиную не раньше, как по окончании свидания. Леди Джулии как участнице заговора предстояло принять сквайра, после чего лакей должен был пригласить его в кабинет графа. Надо было видеть и любоваться этими заговорщиками, когда между ними происходило совещание. Столько тут было и серьезного, и смешного.

– Ведь если он захочет, то сделается таким твёрдым, как старая дубина, – заметил граф, говоря о сквайре. – Нам нужно стараться, чтобы как-нибудь не погладить его против шерсти.

– Не знаю, что мне делать и говорить ему, когда я сойду вниз, – сказал Джонни.

– Только поздороваться и больше ничего, – ответила леди Джулия.

– Я его попотчую добрым портвейном, который смягчит его сердце, – добавил граф. – А потом и посмотрим, каков он будет вечером.

Джонни Имс задрожал, когда коляска сквайра подкатилась к гествикскому дому. Сквайр – в полном неведении о заговоре – был встречен леди Джулией, а минуты через две его пригласили в кабинет.

– С удовольствием, с удовольствием, – говорил сквайр, следуя за лакеем.

При входе сквайра граф стоял посредине кабинета, его круглое, румяное лицо лучилось радушием и весельем.

– Очень рад, что вы приехали, очень рад. Мне нужно с вами кое о чем поговорить.

Мистер Дейл, не будучи ни по настроению, ни по поведению так светел и радостен, как граф, пожал ему руку и слегка наклонил голову, показывая этим, что он готов слушать.

– Кажется, я сообщил вам, – продолжал граф, – что у меня в гостях молодой Джон Имс, – завтра он уезжает, в управлении без него не могут обойтись. Он славный малый, сколько могу судить, отличный молодой человек. Я его очень полюбил.

В ответ на это мистер Дейл сказал весьма немного. Он сел и в общих выражениях заявил о своем расположении ко всему семейству Имса.

– Вы знаете, Дейл, что я не мастер говорить и потому, чтобы не переливать из пустого в порожнее, обращаюсь прямо к делу. Разумеется, мы все слышали об этом негодяе Кросби и его поступке с вашей племянницей Лилианой.

– Это несомненно негодяй. Только чем меньше будем говорить об этом, тем лучше. Я бы не хотел, чтобы имя этой бедной девушки упоминалось вместе с именем этого подлеца.

– Но, любезный мой сосед, в настоящую минуту я должен упомянуть его. Бедняжка! Я хотел что-нибудь сделать для ее утешения и надеюсь, что сделаю. Знаете ли вы, что этот молодой человек был влюблен в нее еще до знакомства ее с Кросби?

– Как! Джон Имс!

– Да, Джон Имс. И право, я от души жалею, что он не овладел ее сердцем раньше этого мерзавца, которому вы позволяли гостить в своем доме.

– Что же делать, Де Гест, в этом я не виноват, – произнес сквайр.

– Нет, нет, нет! Так уж эти люди ведут себя в обществе, с одного взгляда не узнаешь их. Он был друг моего племянника, которого тоже винить нельзя. Жаль, очень жаль, что она с самого начала не знала чувств этого молодого человека.

– Может, она имела о нем совсем другие понятия, смотрела на него не так, как смотрите вы.

– Да, у этого молодого человека необыкновенно красивая наружность, он статен, плечист, с добрыми честными глазами и вдобавок обладает таким присутствием духа, какое встретишь не во всяком молодом человеке. В своих манерах он не похож на ученую обезьяну – словом, прекрасный молодой человек.

– Все это прекрасно, Де Гест, только теперь поздно.

– Вовсе нет, напротив, самая пора. Не должно быть поздно! Нельзя же, чтобы девушка отказалась на всю жизнь от супружеского счастья потому только, что ее обманул какой-то негодяй. Конечно, она немного погорюет. Сейчас я сам знаю: нельзя ей объявить, что у нее есть другой обожатель. Придет время, Дейл, придет время, свое время всегда приходит.

– Только ко мне и к вам оно никогда не придет, – сказал сквайр, и на сухих губах его показалась едва уловимая улыбка.

История их жизни была почти одна и та же: тот и другой любили в свое время, тот и другой испытали разочарование, а затем тот и другой на всю жизнь остались холостыми.

– Но оно приходило, – сказал граф с особенным чувством. – Было время, когда и нас пригревало солнышко, наша жизнь не была совсем постылой. Во всяком случае, вы и ее мать рано или поздно должны выдать ее замуж.

– Я не думал об этом.

– А я хочу, чтобы вы подумали. Я хочу расположить вас в пользу этого молодого человека и с этой целью намерен быть с вами откровенным. Надеюсь, вы за ней что-нибудь дадите?

– Не знаю, – отвечал сквайр, почти оскорбленный подобным вопросом.

– Все равно, дадите ли вы или нет, но Имсу я кое-что дам, – сказал граф. – Я бы не вмешался в эту историю, если бы не имел намерения взять на себя роль его благодетеля, и это дает мне право спрашивать. – Говоря это граф, выпрямился во весь рост. – Если этот брак состоится, то в денежном отношении будет для вашей племянницы совсем не плох. Мне приятно будет наградить Имса, но еще было бы приятнее, если бы она могла разделить с ним эту награду.

– Она должна быть премного вам обязана, – сказал сквайр.

– Она и была бы обязана, если бы узнала молодого Имса. Надеюсь, впрочем, придет время, когда она его узнает. Надеюсь также, что мы вместе желаем им счастья и что вы будете благодарить меня за то, что я помог их счастью. Не отправится ли нам теперь к леди Джулии?

Граф чувствовал, что не вполне преуспел в своем деле, и что его предложение было принято довольно холодно, он мало надеялся, что в течение дня сумеет изменить положение в лучшую сторону даже с помощью самого прекрасного портвейна.

– Полминуты, граф, – сказал сквайр. – Бывают дела, в которых я не способен быстро соображать, к числу таких дел относится и это. Позвольте мне подумать, о чем вы говорили, и потом побывать у вас.

– Извольте, извольте.

– А теперь за ваше участие в этом деле, за ваше великодушие и доброе сердце позвольте выразить вам самую искреннюю благодарность.

Сквайр низко поклонился и последовал за графом.

Граф Де Гест все-таки чувствовал, что беседа не увенчалась желаемым успехом. Судя по характеру сквайра и некоторым его странностям, со своей стороны мы можем сказать, что в деле подобного рода нельзя было рассчитывать на успех с первого раза. Он сам объявил, что в серьезных вопросах соображает медленно. Как бы то ни было, граф был разочарован, но, если бы он мог читать в сердце сквайра, его разочарование не было бы так сильно. Мистер Дейл видел, что с ним поступают великодушно и что граф делал предложение, собственно, из особенной симпатии к Джонни и Лили, но не в его натуре было соглашаться немедленно на всякого рода предложения. Поэтому он вошел в гостиную с холодным, спокойным лицом, заставлявшим Имса и леди Джулию полагать, что в кабинете ничего хорошего не случилось.

– Как ваше здоровье, сэр? – спросил Джонни, подходя к сквайру в величайшем смущении и произнося то, что ему велели, но без всякой осмысленности.

– Как поживаете, Имс? – отвечал сквайр самым спокойным и холодным тоном голоса.

После этого до приглашения к столу ничего не было сказано.

– Дейл, я знаю, вы пьете портвейн, – сказал граф, когда леди Джулия, после обеда вышла из столовой. – Если вы скажете, что такой портвейн вам не нравится, это будет означать, что вы ничего в нем не смыслите.

– Да, этому вину лет двадцать, – сказал сквайр, отведав портвейна.

– Прибавьте еще десяток, мне удалось запастись им пораньше, его не починали лет тридцать. Мне приятно предложить его такому человеку, как вы, который узнал его с одного взгляда. Дело другое Джонни. Для него все равно.

– Нет, милорд, не все равно. Мне кажется, он чрезвычайно вкусен.

– Чрезвычайно вкусен! Вкусно и шампанское, и имбирное пиво, и леденцы – для тех, разумеется, кому это нравится. Не хотите ли вы сказать, что можете различить вкус вина, когда у вас во рту пол-апельсина?

– Скоро и он войдет во вкус, – сказал сквайр.

– Двадцатилетний портвейн не придется ему по вкусу, когда ему самому будет столько, сколько нам, – сказал граф, забывая, что к тому времени, как молодому Имсу стукнет шестьдесят, двадцатилетнее вино еще больше состарится и станет как раз по вкусу пожилым джентльменам, как нынешний портвейн был по вкусу самому Де Гесту. Доброе вино до некоторой степени растопило сердце старого сквайра, но все-таки с его стороны ничего не было сказано насчет брачного заговора. Граф заметил, однако же, что мистер Дейл был очень любезен и внимателен к его молодому другу, спрашивал его время от времени о городской жизни и занятиях в управлении сбора податей.

– Работа трудная, – говорил Имс. – Если у вас в подсчетах получается хоть малейшая недостача, поднимется такая суматоха, пошлют за вами и смотрят на вас, как будто вы намеревались ограбить банк, для них ничего не значит держать вас в присутствии до пяти часов.

– Много ли вы имеете времени для завтрака и для прочтения газет? – спросил граф.

– Не больше десяти минут. Газета во время присутствия побывает в двадцати руках, а это как раз приходится по десять минут на человека, что касается завтрака, то мы довольствуемся бисквитом, обмакнутым в чернила.

– Обмакнутым в чернила? Что это значит? – спросил сквайр.

– А это значит, что вы должны его кушать и в то же время писать.

– Я о вас все узнаю, – сказал граф. – Сэр Рэфль Бофль – мой товарищ.

– Не думаю, что он знает о моем существовании, – сказал Джонни. – А вы хорошо его знаете, лорд Де Гест?

– Не видал его лет тридцать, но до того времени был с ним в хороших отношениях.

– Мы называем его Надуфль Крикуфль⁵.

– Надуфль Крикуфль! Ха-ха-ха! Он всегда был таким, любит покричать, с большими претензиями, пустоголовый. Мне бы не следовало этого говорить в вашем присутствии, молодой человек. Перейдемте-ка в гостиную.

– Ну что же он сказал? – спросила леди Джулия вслед за отъездом сквайра. Скрытничать не представлялось надобности, и потому вопрос этот был сделан в присутствии Джонни.

– Ничего особенно хорошего, но ничего и дурного. Он подумает и потом повидается со мной. Не унывай, Джонни, и помни, что тебе не нуждаться в добром друге.

На другое утро в семь часов Джонни Имс отправился назад в Лондон, а в полдень появился за своей конторкой, как и было условлено с его начальником в управлении сбора податей.

⁵ В оригинале – Huffle Scuffle. В переводе с английского: «надутый крикун» или «надутый забияка».

Глава XXXIV. Битва

Я сказал, что Джонни Имс прибыл в свое управление пунктуально – в двенадцать часов, но до этого случилось событие, которое должно занять на страницах нашей летописи почетное место, событие столь важное, что представляется существенная необходимость описать его во всех подробностях.

Лорд Де Гест в своих беседах с Имсом относительно нынешнего положения Лили Дейл всегда говорил о Кросби с отвращением.

– Это чертовки подлая тварь! – восклицал граф, сверкая округлившимися глазами.

Граф употреблял эту фразу не для того, чтобы вернуть крепкое словцо, как их обычно употребляют в определенных случаях. Произнося ее, он придавал ей буквальный смысл, и имел в виду именно то, что говорил, таким образом показывая, что Кросби своим поведением вполне заслуживал подобное осуждение, как наказание за самый низкий поступок.

– Ему бы следовало переломать все ребра, – произнес Джонни.

– Не знаю, что на это сказать, – отвечал граф. – Сейчас телесные наказания вышли из моды. Я бы ни слова не сказал против этого, если бы его заменили каким-нибудь другим наказанием. Во всяком случае, мне кажется, что такой мерзавец, как Кросби, не должен оставаться безнаказанным.

– Он еще не ушел от наказания, – сказал Джонни.

– Пожалуйста, только вы не связывайтесь с ним, не делайте из себя дурака, – посоветовал граф.

Уж если кому и следовало совершать жестокую месть за то зло, которое причинил Кросби семье Дейлов, то мстителем должен быть Бернард Дейл, племянник графа. Граф это знал, но при нынешних обстоятельствах не допускалось никакое жестокое наказание. «Не так это делалось, когда я был молод», – говорил он себе. Как бы то ни было, но по тону графа Джонни заключал, что слова Де Геста совсем не согласовывались с его мыслями, и потому снова и снова повторял самому себе, что Кросби не ушел еще от наказания.

На Гествикской станции железной дороги Джонни взял место в вагоне первого класса, собственно, потому, что его провожал лакей в ливрее графа Де Геста. Не будь этого провожающего, он занял бы место подешевле. Малодушие, не правда ли? Но скажите, не сделали бы вы то же самое, будучи на его месте? Совершенно ли вы уверены, что не сделали бы этого, даже если вы вдвое его старше? Вдобавок к этой глупости Джонни Имс подарил еще лакею полкроны.

– Надеемся, мистер Джон, скоро снова вас видеть, – сказал лакей, понимавший, по-видимому, что мистер Имс становился в своем роде господином в гествикском доме.

Джонни заснул в вагоне и не просыпался до Барчестерской узловой станции.

– Придется подождать поезд из Барчестера, сэр, – сказал кондуктор. – Они всегда опаздывают.

Джонни снова заснул, но через несколько минут его разбудил кто-то, торопливо вошедший в вагон. Поезд барчестерской ветки пришел наконец в то самое время, когда кондукторы ожидающего поезда решили, что их пассажиры не могут ждать дольше. Вот почему пересадка мужчин, женщин и переноска багажа из новоприбывшего состава в поезд на Лондон совершались весьма торопливо, так что занявшие новые места едва успевали осмотреться. В вагон к Джонни, где до той поры кроме него сидела еще какая-то старушка, первым вошел старый джентльмен с очень красным лицом. Он бранился, потому что его торопили, и никак не мог устроиться в купе, а замер в дверях, стоя на ступеньке.

– Сэр, долго ли вы намерены здесь отдыхать? – раздался голос позади старого джентльмена, прогнавший у Джонни всю дремоту и заставивший его выпрямиться.

– Отдохнёшь здесь! Как же! – отвечал старик. – Я это знаю и потому не хочу переломать себе ноги.

– Не торопитесь, сэр, – сказал кондуктор.

– Я и не тороплюсь, – отвечал старик, заняв угол, ближайший к выходу, напротив старушки.

Потом Имс ясно увидел, что пассажир, начавший перепалку, был Кросби и что он садится в то же купе.

Кросби с самого начала не рассмотрел никого, кроме старого джентльмена и старушки, и тотчас же занял другое угловое место. Возмущенный необходимостью спешить и торопиться, он некоторое время возился со своим зонтиком и саквояжем. Поезд уже тронулся, когда Кросби заметил, что напротив него сидит Джон Имс, между тем как Имс инстинктивно поджал ноги, чтобы не коснуться такого попутчика. Джонни чувствовал, что покраснелся и что, сказать по правде, на лбу у него выступил пот. Случай для Имса был особенный – во-первых, потому что ставил в затруднительное положение, а во-вторых, потому что давал возможность действовать. Как вести себя в ту минуту, когда враг узнает попутчика, и что делать дальше?

Думаю, не нужно объяснять читателям, что Кросби тоже провел первые дни Рождества в семействе знакомого графа и что теперь тоже возвращался на службу. В одном отношении он был счастливее бедного Имса, потому что наслаждался улыбками своей невесты. Александрина и графиня порхали около него, обходились с ним как с движимым имуществом, теперь принадлежащим благородному дому Де Курси, и в этом качестве он был вовлечен в домашнюю жизнь этой знаменитой фамилии. Два лакея, нанятые прислуживать леди Дамбелло, уже исчезли. Шампанское перестало литься рекой. Леди Розина прекратила свое молчаливое уединение и постоянно читала Кросби проповеди. Леди Маргеритта давала ему некоторые уроки в экономии. Достопочтенный Джон, несмотря на недавнюю ссору, успел занять у него пять гиней. Достопочтенный Джордж обещал приехать к своей сестре на май месяц. Граф пользовался привилегией тестя и называл Кросби глупцом. Леди Александрина беспрестанно и довольно резким тоном приказывала ему делать то одно, то другое. И наконец графиня давала Кросби распоряжения так, как будто исполнять их было его долгом, в порядке вещей, повиноваться каждому ее слову. Таковы были рождественские радости для Кросби, и теперь, удаляясь от них, он встречается лицом к лицу в вагоне железной дороги с Джонни Имсом.

Взгляды соседей встретились, и Кросби слегка кивнул. Имс не ответил на это и вместо поклона начал пристально смотреть в лицо Кросби. Кросби сразу понял, что они не должны знать друг друга, и был очень этим доволен. Среди множества затруднений вражда со стороны Джона Имса не тревожила его. Он не показал ни малейшего смущения, тогда как наш молодой друг был сам не свой. Кросби открыл саквояж, вынул книгу и вскоре углубился в нее, как будто против него сидел совершенно незнакомый человек. Не могу сказать, чтобы Кросби мысленно не отрывался от книги, ведь нашлось бы много вещей, о которых ему было невозможно не думать, но Джон Имс не принадлежал к их числу. Вот почему, когда поезд остановился в Паддингтоне, Кросби почти забыл о попутчике, а выйдя из вагона с саквояжем в руке, считал себя совершенно свободным от дальнейшего беспокойства.

Не то было с Джонни Имсом. Каждое мгновение поездки голова его полнилась мыслями о том, что он должен делать теперь, когда его враг благодаря случаю сделался досягаемым. Джонни изнемогал под бременем своих дум, а между тем, когда поезд остановился, он ничего еще твердо не решил. С той минуты, как Кросби расположился напротив него, лицо Имса покрылось испариной, его руки и ноги отказывались повиноваться ему. Такой великолепный случай, а он чувствовал так мало уверенности в себе, что, казалось, не сумеет воспользоваться ситуацией надлежащим образом. Раза два или три он хотел было взять Кросби за лацканы в вагоне, но его удерживала мысль, что его осудит и общество, и полиция, если только он сделает подобную вещь в присутствии старой леди.

Но когда Кросби повернулся к нему спиной и начал выходить из вагона, Джонни увидел, что решительно необходимо что-нибудь сделать. После того, как он столько говорил о настоятельной необходимости поколотить этого человека, не следовало дать ему ускользнуть. Любой другой позор можно было снести, но не такой. Во почему, опасаясь, что враг окажется проворнее, Джонни поспешил за ним и в тот момент, когда Кросби обернулся лицом к вагонам, с бешенством налетел на него.

– Ты отъявленный мерзавец! – вскрикнул Джонни. – Ты отъявленный мерзавец! – И с этими словами схватил его за лацканы, готовый уничтожить.

Толпа на платформе была незначительная, но все же достаточное число уважаемых лиц сделались зрителями и свидетелями этой сцены. Изумленный донельзя внезапным нападением, Кросби отступил шага на два, чему, впрочем, во многом способствовало самое нападение. Он старался освободиться из рук Имса, но решительно не мог. Он успел, однако ж, отбить несколько серьезных ударов, и в этом отношении обязан был скорее неловкости Имса, чем своим усилиям. С большим трудом смог он выговорить «полиция», и, разумеется, в ту же минуту на платформе раздался призыв блюстителей порядка. Минуты через три трое полисменов с шестью носильщиками схватили нашего бедного друга Джонни, но это состоялось не так быстро, как желал мистер Кросби. Окружавшие, пораженные внезапностью происходящего, позволили сражавшимся завалиться на книжную лавочку мистера Смита, и там Имс уложил своего врага между газетами, а сам по инерции очутился между обрушившимися на него грудами дешевых романов в желтеньких обложках. Однако во время падения Джонни успел-таки нанести кулаком весьма верный удар в правый глаз Кросби, – удар, говоривший за себя, и таким образом цель была достигнута: Кросби получил на первый раз приличное возмездие.

– Отъявленный мерзавец, негодяй, подлец! – кричал Джонни, срывая голос, в то время как полиция оттаскивала его прочь. – Если бы вы только знали... что он... сделал!

Между тем полиция окончательно им завладела.

Разумеется, первое проявление сочувствия публики было на стороне Кросби. На него напали, и нападение сделано Имсом. В груди британцев кроется столько крепкой любви к благоустроенному порядку, что достаточно было одних этих фактов, чтобы привести еще двадцать рыцарей в помощь трем полисменам и шести носильщикам, так что если бы Джонни и желал, то не представлялось никакой возможности уйти. Впрочем, он этого и не желал. В минуты ареста его снедала только одна печаль. Ему казалось, что нападение на Кросби сделано было напрасно. Ему представился случай, и он не сумел воспользоваться им, как следовало бы. Он оставался в совершенном неведении насчет счастливого удара и того важного факта, что глаз его неприятеля уже распух и закрылся, и что еще через час он сделается черным, как его шляпа.

– Это отъяв... ленный него... дья! – восклицал Имс, когда полисмены оттаскивали его в сторону. – Вы не знаете, что он сделал.

– Что он сделал, мы не знаем, – сказал старший констебль, – но мы знаем, что сделали вы. Послушай, Бушперс, где же тот джентльмен? Пусть и он идет с нами.

Другой полисмен, а также два или три носильщика подняли Кросби с груды газет и повели его вслед за Джонни. Кондуктор поезда, знавший Кросби и знавший также, что Кросби приехал из замка Курси, счел нужным проводить его. За ними последовало несколько любопытных, в том числе какой-то услужливый медик, предлагавший Кросби немедленно поставить пиявки. Если бы Кросби позволили действовать по своему желанию, он бы преспокойно уехал, предоставив полное право и Джонни сделать то же самое. С ним приключилась большая беда, но он ни под каким видом не мог смягчить этой беды, призвав всю карающую силу закона на человека, который напал на него. Ему было желательнее всего, чтобы об этом как можно меньше говорили. Какая ему польза из того, что Джонни Имса возьмут под арест и оштрафуют, а потом судья городского полицейского суда сделает ему строгое внушение? Это ни в коей мере не облегчит его несчастья. Если бы ему удалось отбить удар, если бы вместо полученного

фонаря он сам мог поставить фонарь своему врагу, тогда в своем клубе он посмеялся бы над этим происшествием, и его низкий поступок, быть может, несколько смягчился бы успехом в битве. Но ему не выпало такого счастья. Теперь он принужден был подумать и решить, что ему делать.

– Мы посадим его под стражу вот в эту комнату, – сказал Бушерс, прикасаясь к полям своей шляпы.

Через кондуктора на платформе сделалось известным, что Кросби в некотором роде большой человек, частый гость замка Курси, и пользуется известностью в высших сферах столичного общества.

– Судьи будут в Паддингтоне в скором времени, сэр, а до того он будет содержаться под арестом.

В это время на сцену явился какой-то джентльмен, облеченный большой властью, и осведомился о причинах шума и беспорядка. Это был суровый чиновник, на плечах которого лежала, по-видимому, тяжесть всей паровозов железной дороги, чиновник, при появлении которого курильщики бросали сигары, а носильщики опускали руки, прекращая выспрашивание шестипенсовиков, – человек большой, с вздернутым подбородком, с быстрой походкой, в хорошо начищенной шляпе с эффектно заломленным краем. Это был смотритель станции, в распоряжении которого находились полисмены.

– Потрудитесь пройти в мою комнату, мистер Кросби, – сказал он. – Стобс, приведи ко мне того человека.

И прежде чем Кросби успел составить себе план относительно дальнейших действий, он, сопровождаемый кондуктором, оказался в комнате смотрителя, а вслед за ним два полисмена ввели туда же Джонни Имса.

– Что все это значит? – спросил смотритель, не снимая шляпы. Он знал, как много блеск его собственных достоинств зависел от наличия этого аксессуара на голове. Обращаясь к виновному, он не замедлил нахмуриться самым суровым образом: – Мистер Кросби, мне очень жаль, что вы подверглись такому грубому обращению на моей станции.

– Вы не знаете, что он сделал, – сказал Джонни. – Это отъявленный мерзавец. Он...

Джонни остановился. Он думал было сказать смотрителю, что этот отъявленный мерзавец разбил сердце молоденькой девушки, но раздумал: ему не хотелось упоминать имя Лили Дейл в таком месте и при таких обстоятельствах.

– Вы знаете, мистер Кросби, что это за человек? – спросил смотритель.

– О да, – отвечал Кросби, глаз которого начинал уже синеть. – Это клерк в управлении сбора податей, его зовут Имс. Но позвольте вас просить оставить это дело.

Смотритель, однако же, немедленно записал в свою памятную книжку «управление сбора податей – Имс».

– Нет, мы не можем допускать таких беспорядков на нашей станции. Я доведу это до сведения руководства. Вы совершили, мистер Имс, самый постыдный поступок, самый постыдный.

В это время Джонни заметил, что глаз Кросби находился в таком состоянии, которое полнейшим образом доказывало, что утренняя работа не прошла даром, поэтому Имс ободрился. Джонни несколько не заботился ни о донесении смотрителя, ни о полисменах, лишь бы впоследствии история сегодняшнего свидетельствовала в его пользу. Цель его была поколотить Кросби, и теперь, глядя в лицо своего врага, он мысленно признавался, что Провидение было к нему весьма милостиво.

– Это ваше мнение, – сказал Джонни.

– Да, сэр, таково мое мнение, – отвечал смотритель. – И я уж знаю, как представить это дело вашему начальству, молодой человек.

– Вы ровно ничего не знаете, – сказал Имс. – И не думаю, что вы что-нибудь узнаете. С первой минуты, как я увидел этого мерзавца в вагоне, я решился отколотить его, и, как видите, отколотил. Жаль, что в вагоне сидела дама, а то бы там ему досталось еще больше.

– Мистер Кросби, мне кажется, было бы гораздо лучше представить его в городской полицейский суд.

Кросби не согласился на это. Он уверял зрителя, что знает сам, как поступить, чего, однако же, он вовсе не знал. Не позволит ли зритель одному из служителей железной дороги нанять кеб для него и отыскать его багаж? Кросби торопился домой, заботясь о том, чтобы еще раз сделаться жертвой дерзости мистера Имса.

– Могу вам сказать, что дерзость мистера Имса этим еще не ограничится. Весь Лондон услышит о ней и узнает о ее причине. Если у вас есть совесть, то вам стыдно будет показать свое лицо.

Несчастный Кросби! Кто может сказать, что наказание не постигло его? Сейчас он должен прятаться дома с подбитым глазом, с внутренним сознанием, что его побил клерк из управления сбора податей, а в будущем Кросби предстояло жениться на леди Александрине Де Курси!

Не имея надобности выходить больше на платформу, Кросби, почти крадучись, пробрался в кеб, куда два услужливых носильщика принесли его багаж. Но во всем этом было мало целительного бальзама для его уязвленной гордости. Отдавая приказание везти его на улицу Маунт, он чувствовал, что погубил себя, сделав шаг в жизни, который вводил его в родство с семейством графа Де Курси. Куда бы он ни посмотрел, нигде не видел утешения.

– Будь проклят этот мальчишка! – сказал он вслух в своем кебе, но хотя звуки этого проклятия относились к Имсу, но в глубине души он проклинал самого себя.

Джонни Имсу позволено было выйти на платформу и там отыскать свой саквояж. Один молодой носильщик подошел к нему и почти дружески сказал:

– Ловко, очень ловко поднесли вы ему в самый последний момент. Но только, сэр, вам бы не следовало вцепляться в него с самого начала. К чему вам было хватать его за лацканы?

Было четверть двенадцатого, но несмотря на это Имс явился на службу аккуратно к двенадцати.

Глава XXXV. *Vae victis*⁶

В тот день Кросби должен был явиться по двум адресам. По одному, совершенно естественно, – на службу. По другому, что теперь тоже часто становилось совершенно естественным, – на обед в Сент-Джонс-Вуд к леди Эмилии Гейзби. Взглянув в зеркало, он сразу убедился, что не представлялось никакой возможности исполнить ни того, ни другого.

– Ах Боже мой, мистер Кросби, что это у вас? – спросила хозяйка дома, увидев подбитый глаз.

– Видите ли, – отвечал Кросби, – несчастный случай, из-за которого я получил синяк под глазом. Скажите, чем бы лучше всего помочь этому горю?

– Ах Боже! Несчастный случай! – сказала хозяйка, знавшая очень хорошо, что в этом несчастье участвовал кулак другого человека. – Говорят, самое лучшее – это сырое мясо. Но тогда вы должны беспрестанно прикладывать его целое утро.

Что угодно – только не пиявки, которые надолго оставляют следы, и поэтому Кросби провел большую часть утра в прикладывании сырого мяса к подбитому глазу.

Между тем ему необходимо было написать две записки – одну к мистеру Буттервелу в комитет, другую – к своей будущей свояченице. Он сознавал, что безрассудно было бы скрывать свойство постигшей его катастрофы, так как некоторые из сопровождавших ее обстоятельств, по всей вероятности, сделаются известными. Если он скажет, что споткнулся об угольный ящик или каминную решетку, упал и расшиб себе лицо, то многие сочтут это за выдумку и станут доискиваться причин подобной выдумки. Поэтому он составил свои записки из фраз, не обязывавших его излагать подробности. Буттервелу он сказал, что попал в неприятную историю или, вернее, в ссору, из которой вышел со значительным повреждением своей физиономии. Он намеревался явиться на службу на другой день, все равно, будет это прилично или нет, но ради приличия он считал необходимым оставить за собой половину присутственного времени. Леди Эмилии он тоже написал, что с ним приключилось несчастье, сопровождавшееся небольшим ушибом. «Опасного нет ничего, страдает только моя наружность, так что на этот день необходимо остаться дома. В воскресенье я буду у вас непременно. Пусть Гейзби не беспокоится приезжать ко мне, тем более что завтра меня целый день не будет дома».

Гейзби так часто беспокоился приезжать на улицу Маунт, где квартировал Кросби, и на улицу Одли, где находился комитет, в котором служил Кросби, на улицы, расположенные в столь неприятно близком соседстве одна от другой, что Кросби нарочно поместил последние слова, чтобы избавиться от посещения. Отправив записки, Кросби отдал приказание говорить, что его нет дома ни для кого, он боялся, что Гейзби заедет к нему после своих занятий и всецело увезет его в Сент-Джонс-Вуд.

Сырое мясо, компрессы из примочки и холодной воды, прикладываемые к подбитому глазу в течение всей ночи, не в состоянии были вывести этого страшного темно-синего пятна к десяти часам следующего утра.

– Опухоль опала, мистер Кросби, совсем почти опала, – говорила хозяйка дома, дотрагиваясь пальцем до пораженного места, – но синяк так скоро не проходит, уж вы извините. Нельзя ли вам остаться дома еще на денек?

– Да пройдет ли он через день, мистрис Филлипс?

Мистрис Филлипс не решалась дать утвердительного ответа.

– Перед тем как пройти, на нем еще появятся багровые полосы с желтоватым отливом, – отвечала мистрис Филлипс. Казалось, что она была жена кулачного бойца: до такой степени хорошо она знала свойство синяков, поставленных под глазом.

⁶ Горе побежденным (лат.).

– Значит, не пройдет и до завтра, – сказал Кросби, показывая веселость, между тем как в глубине души испытывал страшную муку.

– Пройдет дня через три, да и после того будет заживать постепенно. Пиявки... не знаю, чтобы они приносили когда-нибудь пользу.

Кросби и второй день пробыл дома, но на третий решил во что бы то ни стало отправиться на службу с синими и желтыми пятнами под подбитым глазом. В одной из утренних газет того дня он прочитал описание всего приключения. В ней говорилось, каким образом мистер К., который служит в Генеральном комитете и который в скором времени должен привести к брачному алтарю прекрасную дочь графа Де К., сделался предметом наглого нападения на платформе железной дороги, а вследствие этого должен оставаться безвыходно в своей квартире. Дальше говорилось, что виновный, как полагают, осмелился иметь виды на ту же самую леди и за эту дерзость получил в ответ презрение со стороны каждого члена упомянутого благородного семейства. «Утешительно, однако же, знать, – говорила газета, – что мистер К. вполне отомстил за себя, и так выпорол молодого человека, что тот не в состоянии встать с постели».

Прочитав это, Кросби увидел, что ему необходимо показаться немедленно и объяснить истину хотя бы настолько, насколько общество узнало бы ее без его объяснения. Поэтому на третий день Кросби надел шляпу и перчатки и отправился в комитет, хотя для подбитого глаза и не наступил период багровых полос с желтоватым отливом. Переход по коридору через курьерскую в его кабинет было делом весьма неприятным. Разумеется, все смотрели на него, как, конечно, ему не удалось притвориться, что он на это не обращает внимания.

– Боггс, – сказал Кросби одному из курьеров, – посмотри, не здесь ли мистер Буттервел! Через несколько минут, как и ожидал Кросби, мистер Буттервел вошел в его кабинет.

– Кажется, дело серьезное, – сказал мистер Буттервел, взглянув на подбитый глаз своего сослуживца. – На вашем месте я бы не вышел.

– Конечно, неприятно, – сказал Кросби. – Но нельзя же все время сидеть дома. Вы знаете, что если человек день-другой не покажется, где нужно, про него сразу придумывают ужасные лживые истории.

– Но ради Бога скажите, как это случилось? В газетах пишут, что вы чуть не убили человека, который сыграл над вами такую шутку.

– Газеты по обыкновению лгут. Я до него не дотронулся.

– Неужели? Ну уж извините, после такого удара по лицу я переломал бы ему все ребра.

– Явились полисмены, и тем дело кончилось. Не позволят же поднимать шум и драку на платформе, ведь это не поле в Солсбери⁷. И притом, кто же знает заранее, что он может или не может сделать?

– Разумеется, это только и можно сказать после того, как сам поколотишь или тебя поколотят. Но что это за человек и что такое говорится в газетах насчет презрения к нему со стороны благородной фамилии?

– Все это вздор и ложь, и больше ничего. Он ни разу не встречал никого из фамилии Де Курси.

– Значит, правда в том, где дело касается другой девушки, не так ли, Кросби? Я ведь знал, что при нынешней помолвке вы находились в каком-то затруднительном положении.

– Не знаю, из-за чего и почему он изображал такого разъяренного зверя. Вы, верно, что-нибудь слышали о моих оллингтонских знакомых?

– О да, слышал.

– Клянусь, как перед Богом, что у меня и в мыслях не было ничего дурного против них.

⁷ Имеется в виду ипподром в нескольких километрах от городка Солсбери, в графстве Уилтшир, где с XVI века регулярно проходят состязания с участием лучших лошадей со всей Англии.

– Молодой человек тоже был знаком с ними? О, теперь я все понимаю! Он просто хочет занять ваше место. Как видно, он недурно принялся за дело. Что же вы намерены с ним делать?

– Ничего.

– Ничего! Очень странно! Я бы представил его судьям.

– Дело в том, Буттервел, что я обязан пощадить имя той девушки. Я знаю, что поступил весьма дурно.

– Да-да, мне кажется, что очень дурно.

Мистер Буттервел произнес эти слова весьма решительным тоном, как будто он не намерен был допустить ни малейшего извинения в этом поступке и, во всяком случае, скрывать свое мнение. Кросби осуждал себя в деле своей женитьбы и вместе с тем заботился, чтобы другие, услышав от него самого подобное обвинение, сказали бы что-нибудь в его оправдание. Ведь приятелю нетрудно сказать, что подобные интрижки весьма обыкновенны и что в жизни нередко случается поступать неосмотрительно, даже опрометчиво. Он надеялся на такую благосклонность со стороны Фаулера Прата, но тщетно. Буттервел был добрый, снисходительный человек, старался всем угодить и никогда не брал на себя обязанности читать мораль, а все-таки и Буттервел ни слова не сказал в утешение Кросби. Кросби не имел на своей стороне ни одного человека, который бы смотрел сквозь пальцы на его проступок, считал бы это не проступком, но безрассудным увлечением. На стороне Кросби не было никого, кроме членов семейства Де Курси, которые совершенно овладели им и, как говорится, проглотили его живьем.

– Теперь этого дела не поправить, – сказал Кросби. – Что касается человека, который совершил на меня такое жестокое нападение, то он знает, что за ее юбками его никто не тронет. Я решительно ничего не могу сделать без того, чтобы не упоминать ее имени.

– Да, я понимаю, – сказал Буттервел. – Неприятно, весьма неприятно. Не знаю, могу ли я что-нибудь сделать для вас. Будете вы сегодня в совете?

– Непременно, – отвечал Кросби, становясь более и более печальным.

Его острый слух говорил ему, что он потерял к себе всякое уважение Буттервела, по крайней мере на некоторое время. Буттервел хоть и занимал высшую должность, но по привычке всегда обходился с Кросби как с человеком, которого следует уважать. Кросби пользовался и умел пользоваться, как в комитете, так и в обществе, почетом, гораздо выше того, на который по своему положению имел законное право. Теперь он был низведен со своего пьедестала. Никто лучше Буттервела не видел этого. Он шел по одному направлению с обществом, замечая почти инстинктивно, какое направление намеревалось избрать общество. «Такт, такт и такт», – говорил он про себя, прогуливаясь по тропинкам Путнейской виллы. Кросби теперь секретарь, тогда как несколько месяцев тому назад был обыкновенным клерком, но несмотря на это инстинкт мистера Буттервела говорил ему, что Кросби попал в неприятную ситуацию. Поэтому у него не было ни малейшего желания выразить сочувствие человеку, которого постигло несчастье, и, оставляя секретарский кабинет, он знал заранее, что пройдет много времени до той поры, когда он снова заглянет в него.

Под влиянием досады Кросби решился действовать, с этой минуты заглушив в себе всякую совесть. Он решился показаться в совете с таким равнодушием к своему подбитому глазу, как только можно, и, если ему скажут что-нибудь, он приготовился ответить. Он решился идти в клуб и обрушить свой гнев на того, кто обнаружит к нему хоть малейшее пренебрежение. Он не мог выместить свою досаду на Джонни Имсе и хотел выместить ее на других. Не для того он приобрел видное положение в обществе и сохранял его в течение нескольких лет, чтобы позволить уничтожить себя потому только, что сделал ошибку. Если общество, к которому он принадлежал, намерено объявить ему войну, он готов был вступить в бой немедленно. Что касается Буттервела – Буттервела неспособного, Буттервела несносного, Буттервела, который при всяком затруднении в течение многих лет прибегал к нему за советом, – он даст ему понять,

каково быть таким вероломным в отношении к тому, кого он считал своим другом. Он решился показать всем членам совета, что пренебрегает ими и держит их в своих руках. Составляя себе таким образом план действий, он ввел в него два пункта относительно членов благородного семейства Де Курси. Он решился показать им, что вовсе не намерен быть их покорнейшим слугой. Он решился высказаться перед ними откровенно, и если после этой откровенности они захотят разорвать «брачный союз», то могут это сделать – горевать он не станет. В то время как он, облокотясь на ручку кресла, размышлял об этом, в голове его мелькнула мысль – мысль, породившая воздушный замок, мечту, осуществление которой казалось возможным, и в этом замке он видел себя стоящим на коленях перед Лили Дейл, умоляющим простить его и снова полюбить.

– Мистер Кросби явился сегодня, – сказал мистер Буттервел мистеру Оптимисту.

– Явился? – спросил мистер Оптимист весьма серьезно, ему уже известен был весь скандал на платформе железной дороги.

– Его обезобразили страшным образом.

– Очень неприятно слышать. Это так... так... так. Если бы это был кто-нибудь из клерков, мы должны были бы сказать ему, что он срамит наш комитет.

– Чем же виноват человек, если ему поставят фонарь? Ведь не сам же он подбил себе глаз, – сказал майор Фиаско.

– Я знаю, что он не сам себе подбил глаз, – продолжал мистер Оптимист, – но, мне кажется, в его положении он должен бы держаться как можно дальше от всякого скандала.

– Он бы с радостью это сделал, если бы представилась возможность, – сказал майор. – Я думаю, ему точно так же не хотелось бы ходить с подбитым глазом, как и мне, как и всякому другому.

– Не знаю, мне никто не ставил синяк под глаз, – сказал мистер Оптимист.

– Скажите лучше, пока никто не ставил, – заметил майор.

– И надеюсь, никогда не поставят, – сказал мистер Буттервел.

В это время наступил час общего собрания, и в зал совета вошел мистер Кросби.

– Мы очень сожалели, услышав о вашем несчастье, – сказал Оптимист весьма серьезно.

– Я думаю, вдвое меньше, чем сожалел я сам, – сказал Кросби со смехом. – Чрезвычайная гадость иметь подбитый глаз, другой может принять меня за кулачного бойца.

– Притом еще за кулачного бойца, который не выиграл боя, – заметил Фиаско.

– Не думаю, что тут есть большая разница, – возразил Кросби. – Вообще подобная вещь неприятна, и, пожалуйста, не будем говорить об этом.

Мистер Оптимист был однако же того мнения, что он должен, в силу своих обязанностей, поговорить об этом. Как бы то ни было, он был председательствующий в Совете представителей, а мистер Кросби всего лишь секретарь комитета. Учитывая разницу их положения, разве ему не следовало сделать замечание за такую неблагопристойность? Неужели Рэфль Бофль не сказал бы ни слова, если бы мистер Буттервел, будучи секретарем, явился на службу с подбитым глазом? Он желал выказать права председателя во всей их полноте, но, несмотря на то, он чувствовал большое замешательство и не имел никакой возможности приискать приличные выражения.

– Гм, да, хорошо, приступим же к делу, – сказал он, удерживая, однако же, за собой право возвратиться к подбитому глазу секретаря немедленно после окончания обыкновенных занятий совета.

Но когда обычные занятия кончились, секретарь удалился из зала собрания, не дав председателю ни минуты времени собраться с мыслями и начать разговор о подбитом глазе.

Возвратясь в свой кабинет, Кросби застал там Мортимера Гейзби.

– Любезный мой друг, – сказал Гейзби, – да ведь это прескверная вещь.

– Чрезвычайно скверная, – отвечал Кросби. – Такая скверная, что я ни с кем не хочу говорить о ней.

– Леди Эмилия страшно беспокоится.

Гейзби жену свою всегда называл леди Эмилией, даже в то время, когда говорил о ней с ее братьями и сестрами. Ни под каким видом он не позволял себе называть дочь графа просто по имени, хоть это была его законная жена.

– Она думает, что вы больны.

– Нет, не болен, но, как видите, обезображен.

– Но зато вы его порядочно побили?

– И не думал, – с досадой сказал Кросби. – Я пальцем его не тронул. Пожалуйста, не верьте всему, что читаете в газетах.

– Разумеется. Да, например, можно ли поверить, что говорится в них насчет его видов на леди Александрину? Это чистейшая ложь.

– Не верьте ничему, кроме разве того, что мне подбили глаз.

– Ну, это очевидно. Леди Эмилия полагает, что вам будет гораздо спокойнее, если вы сегодня приедете к нам. Конечно, вам не следовало бы выезжать, но леди Эмилия так снисходительна, что с ней вам нечего стесняться.

– Благодарю покорно, я приеду в воскресенье.

– Но вы знаете, что леди Александрина с беспокойством будет ждать письма от своей сестры, притом же леди Эмилия убедительно просит вас приехать.

– Благодарю-благодарю, приеду, только не сегодня.

– Почему же?

– Просто потому, что дома мне будет лучше!

– Уж может ли быть лучше дома? У нас найдется все, что нужно. А вы знаете, леди Эмилия не взыскательна.

Сырое мясо, компрессы из холодной воды и какая-нибудь примочка – вот все, что невзыскательная леди Эмилия могла ему предоставить.

– Нет, сегодня я не хочу ее беспокоить, – сказал Кросби.

– Клянусь честью, вы дурно поступаете. До замка Курси и, следовательно, до слуха графини дойдут всякого рода истории, и вы не знаете, какой вред может произойти от этого. Леди Эмилия полагает, что лучше всего написать туда и объяснить, но она не может этого сделать, пока не услышит что-нибудь от вас.

– Послушайте, Гейзби, мне решительно все равно, какие бы истории ни дошли до замка Курси.

– Но если что-нибудь услышит граф и оскорбится?

– И пусть как знает, так и отделяется от этого оскорбления.

– Любезный друг, ведь говорить подобные вещи – чистейшее сумасбродство.

– Да что же, по вашему мнению, может сделать мне граф? Неужели вы думаете, что я вечно должен бояться графа Де Курси потому только, что женюсь на его дочери? Сегодня я сам напишу леди Александрине, вы можете сказать это ее сестре. Если глаз мой пройдет, то в воскресенье я буду к обеду.

– Значит, вы не будете и в церкви?

– Неужели вы еще хотите, чтобы я с таким лицом явился в церковь?

Мистер Мортимер утих и, возвратясь домой, объявил жене, что Кросби совсем выходит из повиновения.

– Дело в том, душа моя, он стыдится самого себя и потому берет на себя подобную смелость.

– Глупо было с его стороны встречаться с этим молодым человеком, весьма глупо, в воскресенье я ему выскажу это. Если он намерен важничать передо мной, то я ему дам понять,

что он очень ошибается. Он должен помнить, что его поведение должно иметь весьма важное значение для всей нашей фамилии.

– Разумеется, – сказал мистер Гейзби.

С наступлением воскресенья наступил и период багровых полос с желтыми оттенками: следы меткого удара еще вовсе не исчезли. Сослуживцы Кросби уже привыкли к необычному состоянию его физиономии, но сам Кросби, несмотря на свою решимость отправиться в клуб, нигде еще не показывался. В церковь, конечно, он не пошел, но в пять часов явился в дом мистера Гейзби. По воскресеньям Гейзби и леди Эмилия обедали в пять часов, держась мнения, что, поступая таким образом, соблюдали праздник⁸ гораздо лучше, нежели обеда в семь часов. Если соблюдение состоит в том, чтобы раньше лечь спать, то, конечно, они были правы. Для повара этот немного ранний обед имел свои удобства в том отношении, что оправдывал ее отсутствие в церкви во время вечерней службы, а приготовление обеда для слуг и для детей извиняло ее отсутствие в церкви во время обедни. Такое вялое стремление к благочестию, когда все делается лишь наполовину или, как в этом случае, лишь на четверть, потому что путь к благочестию полон огорчений, весьма обыкновенно у людей, подобных леди Эмили. Если бы она обедала в час и кушала холодные мясные блюда, другой точно так же думал бы, что она достойна некоторой похвалы.

– Боже мой! Ведь это весьма неприятно, Адольф, не правда ли? – это были первые слова леди Эмили, которыми она встретила Кросби.

– Да, Эмилия, весьма неприятно, – отвечал Кросби. Он всегда называл ее Эмилией, потому собственно, что она называла его Адольфом, – а самому Гейзби крайне не нравилась подобная фамильярность. Леди Эмилия была старше Кросби и потому предоставляла себе право называть его как вздумается, тогда как он должен был бы помнить огромную разницу в их положении. – Весьма неприятно, Эмилия, – сказал Кросби. – Прошу вас, сделайте мне одно одолжение!

– Какое, Адольф?

– Не говорить об этом ни слова. Подбитый глаз, без всякого сомнения, вещь скверная, я много на это досадовал, а сочувствие друзей только увеличивает досаду. В пятницу Гейзби уже выразил сожаление всего семейства, и если это повторится, то мне остается умереть.

– Дядя Дольф, ты умрешь от подбитого глаза? – спросил маленький Де Курси Гейзби – старший из детей, на которых возлагала надежду графская фамилия.

– Нет, мой герой, – отвечал Кросби, взяв мальчика на руки, – от этого не умирают. Большой беды от подбитого глаза не бывает, и тебе не раз придется испытать это самому, прежде чем оставишь школу. Неприятно только то, что люди любят много говорить об этом.

– Тетя Дина не будет любить тебя за такой страшный глаз.

– Прекрасно, Адольф, – сказала леди Эмилия, – я не скажу ни слова, сожалею, что мое участие сделалось причиной досады для вас теперь, но все же, согласитесь сами, другому очень трудно, почти невозможно не сказать ни слова о подобном предмете. Я получила письмо от мамы.

– Надеюсь, леди Де Курси в добром здравии.

– Совершенно здорова, благодарю вас, но, разумеется, она очень встревожена этим происшествием. Она прочитала, что было написано в газетах, и для Мортимера как поверенного нашей фамилии, может, необходимо заняться этим делом.

– Совершенно ни к чему, – сказал Адольф.

– Я сам такого мнения, что это совершенно лишнее, – сказал Гейзби.

– Быть может, очень может быть. Но согласитесь, Мортимер, что мама при подобных обстоятельствах пожелает узнать все факты этого дела.

⁸ В христианстве каждое воскресенье является праздничным днём, что влияет на меню.

– С этим я согласен, – сказал Гейзби.

– В таком случае вот вам эти факты. Когда я вышел из вагона, какой-то человек, которого я где-то видел, напал на меня и, прежде чем подросла полиция, подбил мне глаз. Довольно вам этого?

В эту минуту объявили, что обед на столе.

– Не угодно ли вам сопроводить леди Эмилию? – спросил Гейзби.

– Печальное событие, очень печальное, – сказала леди Эмилия, покачав головой. – Я боюсь, что оно будет для моей сестры большим огорчением.

– Вы, верно, одного мнения с маленьким Де Курси, что тетя Дина не будет любить меня за такой страшный глаз?

– Право, я ничего тут не вижу смешного, – сказала леди Эмилия.

Этим кончился разговор о подбитом глазе, и в течение обеда о нем не упоминали.

Пусть за трапезой об этом не говорили, но по выражению лица Эмилии нельзя было не заключить, что ей крайне не нравилось поведение ее будущего зятя. Она была очень радушна, упрасивала Кросби отвесть то и другое, но при этом все-таки не могла обойтись без намеков на свое неприятное положение. Она говорила, что фламбированный сливовый пудинг⁹ окажется плох для его желудка, и что не рекомендовала бы пить портвейн после обеда.

– Мортимер, ты бы лучше велел подать красного вина, – заметила она. – Адольфу нельзя пить вина, которое горячит.

– Благодарю вас, – сказал Кросби. – Я лучше выпью разбавленного бренди, если Гейзби предложит его мне.

– Бренди? – повторила леди Эмилия с видом крайнего изумления.

Кросби, по правде сказать, никогда не пил бренди, но он решился бы попросить еще и чистого джина, если бы леди Эмилия продолжала проявлять заботливость.

После этих воскресных обедов хозяйка дома никогда не уходила в гостиную, ей подавали чайный прибор на тот же самый стол, на котором обедали. Это была тоже в своем роде необходимая мера к соблюдению благочестия и к освящению первого дня недели¹⁰. Когда гостила Розина и когда со стола убирались бутылки, перед ней, по обыкновению, являлось несколько книг религиозного содержания. Во время своего первого и довольно продолжительного посещения она выпросила себе привилегию читать после обеда поучения, но так как при этом случае леди Эмилия и мистер Гейзби отправлялись спать и так как единственный в доме лакей тоже обнаружил склонность к послеобеденному сну, то чтение проповедей было оставлено. Впоследствии хозяин дома во время посещений своей невестки должен был проводить эти вечера в ее присутствии и, за неимением другого развлечения, искать его в одном из душещипательных сочинений. На этот раз леди Розина находилась в деревне, и потому стол оставался пустым.

– Что же я напишу моей матери? – спросила леди Эмилия, когда со стола убрали наконец и чайный прибор.

– Засвидетельствуйте ей от меня глубочайшее почтение, – сказал Кросби.

Было очевидно как для мужа, так и для жены, что Кросби приготовился к бунту против власти. Наступило молчание, продолжавшееся минут десять. Для развлечения Кросби начал играть с маленьким Де Курси, прозвав его Птичка.

– Мама, он называет меня Птичка. Разве я Птичка? А вы так Кросс, за это тетя Дина не будет вас любить.

⁹ Традиционное английское праздничное блюдо. Перед подачей на стол подогревается, поливается бренди или другим алкогольным напитком и поджигается – то есть фламбируется.

¹⁰ В христианской традиции воскресенье считалось первым днем недели. В 321 г. н. э. воскресенье объявил таковым император Константин Великий, сделавший христианство государственной религией Римской империи.

– Адольф, пожалуйста, не давайте мальчику прозвищ, мне это очень не нравится. Мне кажется, что тем самым вы хотите бросить тень на фамилию, которую он представляет.

– Ну, я не думаю, что Кросби делает это с таким умыслом, – сказал мистер Гейзби.

– Я назвал его Птичка без всякого умысла.

– Во всяком случае, это мне не нравится. Поверьте, Адольф, что я несколько дорожу своей фамилией, как дорожит этим и мой муж.

– Даже очень дорожу, – сказал мистер Гейзби.

– Не меньше вашего и я дорожу своей фамилией, – возразил Кросби. – Это весьма естественно для каждого. Один из моих предков пришел сюда с Вильгельмом Завоевателем. Сколько я знаю, так он был поваренком в палатке короля.

– Поваренком! – воскликнул маленький Де Курси.

– Да, мой милый, поваренком. Ведь именно этим путем множество из наших старинных фамилий и сделались известными. Предки этих фамилий были или поварами, или дворецкими при королях, или, пожалуй, еще чем-нибудь хуже.

– Неужели вы считаете свою фамилию неблагородной?

– Нет. Я вам скажу, как это было. Король пожелал, чтобы мой предок отравил с полдюжины придворных, которые хотели распоряжаться по-своему, но предок мой сказал: «Нет, господин король, я повар, а не палач». За это его разжаловали и поставили мыть посуду, и в то время как всех других слуг называли баронами и лордами, его называли просто Куки, поваренком. Впоследствии прозвание это постепенно изменялось и наконец остановилось на настоящей моей фамилии – Кросби.

Мистер Гейзби сидел, как громом пораженный, лицо леди Эмили приняло мрачное выражение. Разве не очевидно было, что уж, которого Де Курси хотели отогреть на своей груди, становился ядовитой змеей и готовился ужалить всех членов этой благородной фамилии? Разговор не вязался в тот вечер, и Кросби вскоре после истории о поваренке отправился домой.

Глава XXXVI. Торжествующий герой

Джон Имс прибыл в свое управление ровно в полдень и, подойдя к своей конторке, не знал, на чем он стоит – на ногах или на голове. Все утро было для него продолжительным, глубоким возбуждением и вместе с тем до некоторой степени торжеством. Он вовсе не знал, какие могли быть результаты сцены на платформе. Возьмут ли его в суд и там посадят под арест? Что заговорят об этом в управлении? Вызовет ли его Кросби на дуэль, и если вызовет, то в состоянии ли он будет выйти победителем, стреляясь на пистолетах? Что скажет лорд Де Гест – лорд Де Гест, который особенно предостерегал его не принимать на себя обязанность мстителя за оскорбление Лили? Что скажет о его поступке вся фамилия Дейлов? А главное всего, что скажет и подумает сама Лили? Однако чувство торжества было преобладающим, и теперь, в это время, он начинал с удовольствием припоминать испытанное им ощущение, когда его кулак заехал в глаз Кросби.

В первый день присутствия в управлении ничего не было слышно об этом происшествии, а сам он никому не рассказывал. В его отделении было известно, что он ездил провести первые дни Рождества с лордом Де Гестом, и вследствие этого ему оказывали особенное внимание. Кроме того, отдавая Джонни Имсу полную справедливость, я должен сказать, что он постепенно приобретал уважение у своих начальников. Он знал свое дело и исполнял его с уверенностью в своих силах и способностях, а также с совершенным равнодушием к недовольным взглядам, которые время от времени бросали на него начальствующие лица. Сделавшись чем-то вроде радикала в своем официальном поведении и отстаивая свои права, он пользовался среди сослуживцев популярностью. Словом, Джонни Имс вышел из поры юношества и стал мужчиной, наделав, конечно, в минувший период своего существования множество глупостей, которые, однако же, нисколько не мешали умевшим понимать его характер составить убеждение, что из него выйдет хороший человек.

В первый день присутствия много было расспросов о его развлечениях в праздники, но по этому поводу он не мог рассказать много. Действительно, праздники были бы для него более чем обыкновенны, если бы не имелось в виду весьма важной цели, принудившей его отправиться в провинцию, и если бы не обстоятельство, которым кончилась его поездка. Ни об одном из этих предметов Джонни не имел желания говорить откровенно. Возвращаясь, однако же, с Кредлем в Буртон-Кресцент, он рассказал ему о своей встрече с Кросби.

– И ты побил его на станции железной дороги? – спросил Кредль с видом удовольствия и недоверия.

– Побил. Если бы я не сделал этого на станции, то не знаю, где бы довелось сделать. Я сказал, что побью его, и побил при первой встрече.

После этого во всех подробностях было рассказано о встрече, о подбитом глазе, о полиции и смотрителе станции.

– Не знаю, что же из этого выйдет? – спросил наш герой.

– Передаст это дело в руки какого-нибудь приятеля, без всякого сомнения, как сделал это я, передав свое дело с Люпексом Фишеру. И клянусь тебе честью, Джонни, с ним у меня скоро опять будет история. Вчера он опять неистовствовал, поверишь ли...

– Он просто дурак.

– Но я бы тебе не советовал встречаться с этим дураком, когда он находится в припадке бешенства. Вчера весь вечер я точно должен был просидеть в своей комнате. Матушка Ропер говорила, что если бы я остался в гостиной, то необходимость заставила бы ее послать за полисменом. Что же мог я сделать? Я приказал затопить камин в моей комнате...

– И потом лег спать?

– Нет, я долго сидел, думая, что Мэри понадобится увидеть меня. Наконец она принесла мне записку. Ведь ты знаешь, Мэри так неосторожна. Если бы он нашел лоскуток бумаги, исписанный ее рукой, последствия были бы ужасны, клянусь честью, ужасны. А кто может поручиться, что Джемима не расскажет ему?

– Что же Мэри писала тебе?

– Все пустяки, мастер Джонни. Боясь дурных последствий, я озаботился отнести записку в управление.

Находясь под влиянием ощущений от своих собственных приключений, Джонни Имс не обращал особенного внимания на приключения своего приятеля.

– По мне все равно, – сказал Джонни, – передаст ли Кросби дело свое какому-нибудь приятелю или сам отправится к полицейскому судье.

– Поверь, что передаст приятелю, – сказал Кредль, с видом человека вполне опытного в делах подобного рода, – и я полагаю, что посредником своим ты выберешь меня. Вести дело судебным порядком – неприятнейшая вещь, но я не такой человек, чтобы отступить от друга. Я буду защищать тебя всеми силами.

– Благодарю тебя, – сказал Имс. – Не думаю только, что мне понадобятся твои услуги.

– Во всяком случае, тебе нужно иметь наготове доброго человека.

– Я напишу к одному приятелю в провинцию и попрошу его совета, этот приятель постарше и поопытнее нас обоих.

– Клянусь Юпитером, дружище, подумай прежде. Не дай твоим врагам распустить молву, что ты трус. Клянусь честью, пусть обо мне говорят, что хотят, только не это.

– Я и этого не боюсь, – сказал Имс с некоторой досадой в голосе, – сейчас мало обращают внимания на трусость, особенно когда дело коснется дуэли.

После этого Кредль снова перевел разговор на мистрис Люпекс и на свое собственное исключительное положение, а так как Имс не думал просить у приятеля дальнейших советов по своим делам, то и слушал он его молча всю дорогу до Буртон-Кресцента.

– Надеюсь, вы нашли благородного графа в добром здравии, – сказала мистрис Ропер, когда ее жильцы сели за стол.

– Я нашел благородного графа в отличном здравии, благодарю вас, – отвечал Джонни.

Надо заметить, что все жильцы мистрис Ропер и сама она ясно понимали, что положение Имса совершенно изменилось с тех пор, как он удостоился дружбы лорда Де Геста. Мистрис Люпекс, всегда садившаяся за обедом подле Джонни, с целью защитить себя, как она выражалась, от опасного соседа Кредля, обращалась с ним особенно любезно. Мисс Спрюс не иначе называла его, как «сэр». Мистрис Ропер первому ему подавала кушанье и обращала внимание на его блюда, Эмилия менее прежнего рассчитывала на обладание его сердцем и любовью. Конечно, не следует полагать, что Эмилия решила оставить это дело без боя и позволить неприятелю спокойно удалиться с места битвы со всеми своими силами, но она не видела необходимости оказывать ему уважение, это было бы несовместно с совершенным равенством, которое должно сопровождать всякий сердечный союз.

– Что ни говорите, а я считаю за большую привилегию находиться на дружеской ноге с такими людьми, как граф Де Гест, – сказала мистрис Люпекс. – Когда я была девушкой, я состояла в весьма близких отношениях...

– Вы теперь не девушка, и потому лучше бы вам не говорить об этом, – сказал Люпекс.

Мистер Люпекс, спустившись с подмостков, на которых расписывал декорации, заходил в этот день в небольшую лавочку по соседству с Друрилейнским театром¹¹.

¹¹ Королевский театр на Друри-Лейн – старейший из непрерывно действующих театров Великобритании. Вплоть до начала XIX века считался главным драматическим театром британской столицы.

– Друг мой, вам бы не следовало показывать себя зверем перед обществом мистрис Ропер. Если, увлеченная чувствами, которых сейчас невозможно описать, я оставила прекрасный круг своих знакомых и вышла за вас замуж, вам не нужно бы напоминать мне перед целым светом, что я должна сожалеть о многом, весьма многом.

И мистрис Люпекс, положив ножик и вилку, поднесла к глазам носовой платок.

– Это одно из удовольствий, которое доставляется мужу во время обеда, не правда ли? – спросил Люпекс, обращаясь к мисс Спрюз. – Такого рода удовольствий у меня множество, и вы не можете представить себе, как же я это все люблю.

– Кого Бог соединил, тех человек не разлучит, – сказала мисс Спрюз, – что касается меня, то вы знаете, что я старуха.

Эти слова навеяли хмурое настроение на всех обеденным столом, и уже больше ничего не было сказано насчет блестящей карьеры Джонни Имса. В течение вечера Эмилия услышала о происшествии на станции железной дороги и сразу поняла, что может использовать его в своих собственных целях.

– Джон, – прошептала она своей жертве, выбрав случай, когда в гостиной не было никого из посторонних. – Правду ли я слышала, что вы хотите драться на дуэли? Я требую от вас, чтобы вы сказали мне истину.

– Вздор, – сказал Джонни.

– Нет, не вздор. Вы не знаете, не можете понять моих чувств при одной мысли о подобном предположении. Ах, Джон! У вас жестокое сердце.

– У меня совсем не жестокое сердце, и я не намерен драться на дуэли.

– Но правда ли, что вы побили мистера Кросби на станции железной дороги?

– Это правда, я побил его.

– О, Джон, не хочу сказать, что вы поступили дурно – напротив, я уважаю вас за этот поступок. Ничего не может быть ужаснее, как обмануть молоденькую девушку и бросить ее, завладев ее сердцем, особенно когда он дал ей обещание просто на словах или, может, даже и письменно. – Джонни вспомнил при этом о той страшной, глупой, несчастной записке, которую он написал. – И если бедная девушка не может иметь права взыскивать за нарушение данного ей обещания, то что же она будет делать?

– Девушка, которая захотела бы требовать взыскания, не заслуживает этого права.

– Ну, я этого не знаю. Знаю только, что когда девушка будет находиться в таком положении, то за нее вступятся ее родственники или друзья. Полагаю поэтому, что и мисс Лили Дейл не захочет взыскивать судебным порядком за нарушение данного ей обещания.

Упоминание имени Лили Дейл в таком разговоре звучало в ушах бедного Имса свято-татством.

– Ничего не могу сказать о намерениях девушки, о которой вы говорите, – отвечал Джонни. – Но, зная ее друзей, я не думаю, чтобы от подобного процесса пострадала ее честь.

– Конечно, все это хорошо относительно мисс Лили Дейл... – начала Эмилия и потом остановилась. Она подумала, что неблагоприятно было бы так круто прибегать к угрозам. По крайней мере, она считала неблагоприятным, пока есть еще возможность одержать победу без угроз. – Ведь она была ваша Л.Д... Не подумайте, что я ревную ее. Для вас она была лишь подруга вашего детства. Не правда ли, Джонни?

Джонни топнул ногой и соскочил с места:

– Вы знаете, что я терпеть не могу пустой болтовни о подругах детства. Вы заставите меня дать клятву, что я больше никогда не загляну в эту комнату.

– Джонни!

– Да, да. Мне это страшно опротивело. А что касается этой мистрис Люпекс...

– Если только в этом заключается все, чему вы научились в гостях у какого-то лорда, то, мне кажется, лучше бы вам оставаться дома с вашими близкими друзьями.

– Разумеется, лучше оставаться дома с друзьями, такими, например, как мистрис Люпекс, которую я не могу терпеть.

Сказав это, Джонни почти выбежал из дому, обошел вокруг Буртон-Кресцент, вышел на Новую дорогу к Риджентс-парку и во все время прогулки думал о Лили Дейл и о своей трусости перед Эмилией Ропер.

На другой день, в час пополудни, Джонни получил через курьера приглашение пожаловать в зал совета.

– Вас желает видеть сэр Рэфль Бофль.

– Желает меня видеть, мистер Таппер! Зачем? – спросил Джонни, обращаясь к курьеру с видом крайнего изумления.

– Не могу знать, мистер Имс. Сэр Рэфль Бофль только и сказал, что желают вас видеть.

Подобное приглашение в официальной жизни всегда порождает страх в сердце молодого человека, хотя молодые люди возвращаются после таких свиданий живыми и невредимыми и обыкновенно с сарказмом отзываются о старых джентльменах, с которыми виделись. Индюк считается господином на птичьем дворе и своим величием наводит страх на мелкую птицу. Епископ на кафедре, судья на своем месте в зале заседаний, председатель в огромной комнате за отдаленным концом длинного стола, полисмен с круглым фонарем на поясе – все они внушают страх с помощью аксессуаров, придающих им известную степень величия. Но каким ничтожным становится полисмен в своем доме, и как мало думают о сэре Рэфле Бофле, когда он дремлет после обеда в своих старых туфлях! Я хорошо припоминаю овладевший мной ужас при виде разгневанного прекрасного старого джентльмена, давно уже отошедшего к праотцам, когда он, медленно потирая одну руку о другую, глядел в потолок и слегка покачивал головой, как будто теряясь в рассуждениях о моих проступках! У меня вдруг разболелся желудок, я не чувствовал ног под собой, они подгибались, как будто их кто-нибудь сломал. Этот поднятый кверху взор до такой степени обезоружил меня, что я решительно онемел, не мог произнести слова в свое оправдание. Мне кажется, что старый джентльмен едва ли сознавал всю обширность своего могущества.

Однажды беспечный юноша, которому поручено было отправить пачку писем, адресованных на имя короля, прошений и тому подобных бумаг, которые, следуя официальным путем, остановились бы в руках дежурного лорда-секретаря, отправил эти бумаги не туда, куда следовало, – в Виндзор, быть может, тогда как двор находился в Лондоне, или в Сент-Джеймский дворец, когда королевская фамилия была в Виндзоре. Его потребовали в зал совета, великий муж, заседавший в главе членов совета, встал со своего кресла, воздел руки к небу и два раза воскликнул: «Не туда отправлена сумка! Не туда отправлена сумка!» Молодой человек не знал, как выбраться из зала совета, он лишился всякой возможности заниматься делом и мог приступить к своим занятиям не ранее как после шестимесячного отпуска, в течение которого укреплял свои силы ромом с ослиным молоком. В этом случае особенное повторение слова имело такое могущество, на какое официальный магнат никогда не рассчитывал. Анекдот существует, по преданию, но мне кажется, что обстоятельство это случилось в царствование Георга Третьего¹².

Джон Имс подсмеивался над нынешним председателем в совете управления сбора податей и называл его старым Надуфлем Крикуфлем и другими сатирическими именами, но теперь, когда его приглашали в совет, он, наперекор сатирическим своим наклонностям, почувствовал небольшую слабость в коленях. Он знал, что его требуют для объяснений по делу на станции железной дороги. Ему сейчас же представилось, что существуют правила, по которым всякий клерк, употребивший в дело свои кулаки в публичном месте, должен быть уволен со службы. Правил увольнения было много, как много было и проступков, которые влекли за собой подоб-

¹² 1760–1820 г.г.

ное наказание. Джонни хотел вообразить одно из таких постановлений, но время не ждало, и потому он встал, посмотрел на своих сослуживцев и отправился за Таппером в зал собрания.

– Зачем это старый Крикуфль потребовал к себе Джонни, – сказал один клерк.

– Вероятно, по поводу его схватки с Кросби, – отвечал другой. – Совет ничего не может сделать ему за это.

– Не может? – возразил первый. – А молодой Аутонэйтс из-за чего должен был выйти в отставку, как не из-за драки в погребке, несмотря на то, что его кузен, сэр Констант Аутонэйтс, сделал для него все, что только можно.

– Это был самый безалаберный человек.

– Но все же мне бы не хотелось быть на месте Джонни Имса. Кросби – секретарь Генерального комитета, где Крикуфль, до поступления в наше управление, был председателем, нет никакого сомнения, что они друг с другом в хороших отношениях. Неудивительно, если Имса заставят просить извинения.

– Джонни этого не сделает.

Между тем Джонни Имс стоял перед могущественной особой Рэфля Бофля, который сидел в большом дубовом кресле у конца длинного стола в весьма обширной комнате, а поодаль от него сидел один из секретарских помощников. За столом находился еще один член совета, который читал и подписывал бумаги, не обращая ни малейшего внимания на происходившее вокруг него. Помощник секретаря заметил, что сэр Рэфль был недоволен таким отсутствием внимания со стороны своего сослуживца, но Имс ничего этого не видел.

– Мистер Имс? – спросил сэр Рэфль, стараясь придать своему голосу особенную суровость и глядя на виновного сквозь очки в золотой оправе, которые для этого случая он нарочно надел на свой огромный нос. – Это мистер Имс?

– Да, – отвечал помощник секретаря. – Это Имс.

– Гм! – И затем последовала пауза. – Подойдите поближе, мистер Имс.

Джонни приблизился, сделав несколько неслышимых шагов по турецкому ковру.

– Позвольте, кажется, он во втором классе? Да, так. Знаете ли, мистер Имс, я получил письмо из секретариата управления Великой Восточной железной дороги, в котором изложены обстоятельства, не делающие вам чести, если только письмо во всех отношениях верно.

– Вчера, сэр, я там попал в историю.

– Попали в историю! Кажется, что вы попали в весьма скверную историю и мне предстоит объявить управлению железнодорожной компании, что с вами поступят по всей строгости закона.

– Этого я нисколько не боюсь, сэр, – сказал Джонни, немного оживившись при таком повороте дела.

– Нисколько этого не боитесь, сэр! – сказал сэр Рэфль или, вернее, прокричал эти слова в лицо собеседнику.

Со своей стороны я полагаю, что сэр Рэфль чересчур разгорячился, и слова его потеряли эффект, которого он бы достиг, употребив тон более мягкий. Быть может, тут не доставало того величия в позе и драматизма в голосе, как в анекдоте о сумке с королевскими письмами. Как бы то ни было, Джонни слегка ошетинился и после этого чувствовал себя гораздо лучше, чем прежде.

– Вы нисколько не боитесь, сэр, если вас приведут в уголовный суд вашей страны и накажут как того, кто совершил тяжкое преступление? Или не тяжкое преступление, граничащее с административным нарушением... Не важно! Главное, что за бесчинство, совершенное в публичном месте. Вы нисколько не боитесь? Что вы этим хотите сказать, сэр?

– Я хочу сказать, что судья, по всей вероятности, не придаст этому делу серьезного значения, и Кросби не посмеет протестовать.

– Мистер Кросби должен протестовать, молодой человек. Неужели вы думаете, что нарушение порядка и спокойствия в столице должно пройти безнаказанно потому только, что он не желает преследовать его путем закона? Мне кажется, вы еще очень неопытны, молодой человек.

– Быть может, сэр, – отвечал Джонни.

– Да, очень неопытны, очень неопытны. И знаете ли, сэр, что если судья городского полицейского суда публично признает вас виновным в таком позорном поступке, то членам нашего совета придется разрешить вопрос: можете ли вы быть терпимы на службе в здешнем управлении?

Джонни посмотрел на другого члена совета, но тот не сводил глаз своих с бумаг.

– Мистер Имс весьма хороший чиновник, – произнес помощник секретаря таким тихим голосом, который был слышен только Имсу. – Один из лучших молодых людей, которые у нас состоят, – прибавил он тем же голосом.

– Ну да, так очень хорошо. Я вам вот что скажу, мистер Имс, надеюсь, что это будет для вас уроком, весьма серьезным уроком.

Помощник секретаря откинулся назад в своем кресле, так чтобы быть позади головы сэра Рэфля и в то же время уловить взгляд другого члена совета, который как раз оторвался от бумаг и слегка улыбнулся. Помощник секретаря ответил улыбкой, а Имс заметил это и тоже улыбнулся.

– Каких можно ожидать дальнейших последствий от нарушения порядка, в чем вы оказываетесь виновным, сейчас я не в состоянии сказать, – продолжал сэр Рэфль. – Теперь вы можете идти.

И Джонни вернулся на место, не вынеся с собой из зала собрания впечатления, которое бы увеличивало уважение к особе председателя.

На другой день один из товарищей Джонни показал ему с особенной радостью статью, в которой объявлялось публичке, что Кросби до такой степени избил молодого человека, что тот и в настоящую минуту не может встать с постели. Это обстоятельство возбудило сильный гнев в Джонни, он начал ходить по обширной комнате своего управления, не обращая внимания ни на помощников секретарей, ни на старших чиновников, ни на все другие чиновные власти, осуждая недобросовестность публичной прессы и заявляя свое мнение, что гораздо лучше жить у варваров, чем в государстве, где дозволяют распространять такую дерзкую ложь.

– Веришь ли, Фишер, он пальцем меня не тронул, я даже не думаю, что у него была мысль тронуть меня. Клянусь честью, он меня пальцем не тронул.

– Но, Джонни, с твоей стороны также довольно дерзко иметь виды на дочь графа Де Курси, – сказал Фишер.

– Я в жизни не видел ни одной из них.

– Он теперь все между аристократами, – сказал другой. – Я полагаю, что если ты женишься, то не меньше как на дочери виконта.

– Что же тут станешь делать, когда негодяй-издатель помещает в своей газете подобные вещи? Избили! Высекли! Надуфль Крикуфль назвал меня преступником, а какое же дать название этому человеку! – И Джонни швырнул газету в противоположный конец комнаты.

– Напиши на него хороший пасквиль, – сказал Фишер.

– Особенно за его выдумку, что ты хотел жениться на дочери графа, – сказал другой.

– В жизни не слышал подобного скандала, – прибавил третий. – Еще смел сказать, что дочь графа не хотела и смотреть на тебя.

Тем не менее, в управлении все сознавали, что Джонни Имс становился между ними передовым человеком, с которым каждый из них с удовольствием готов был сблизиться. Скандалная история на станции железной дороги несколько не повредила Джонни, даже во мнении высших должностных лиц. Известно было, что Кросби заслужил, чтобы его поколотили,

и Джонни Имс поколотил его. Сэр Рэфль Бофль сколько угодно мог говорить о судье, о преступлениях, но все служащие в управлении сбора податей знали очень хорошо, что Имс вышел из этого дела как честный человек, с поднятой головой и шагая с правой ноги.

– Плюньте вы на эту газету, – сказал рассудительный старший чиновник. – Ведь не он вас, а вы его побили, ну и смейтесь над газетой.

– Вы бы ничего не написали редактору?

– Ни за что на свете. Я думаю, кроме осла, никто не захочет защищать себя перед газетой: напишите им какую угодно истину, и они все-таки сумеют обратить ее в смешное.

Поэтому Джонни отказался от идеи написать к редактору письмо, выразив в нем все свое негодование, но в то же время считал себя обязанным объяснить все это дело лорду Де Гесту. История случилась после его отъезда из дома графа, и, следовательно, все относившееся к ней должно составлять такой интерес для его доброго друга, что он не хотел позволить графу удовлетвориться искаженными в газете фактами. Поэтому, прежде чем кончилось присутствие, Джонни написал следующее письмо:

«Управление сбора податей, 29 декабря 186.*

Милорд...»

Джонни долго думал над тем, как должно ему обратиться к графу, к которому никогда еще не писал. Он написал сначала «любезный милорд», но сейчас же зачеркнул и взял другой лист бумаги, ему показалось, что такое начало чересчур фамильярно.

«Милорд.

Так как вы весьма добры ко мне, то я вменяю себе в обязанность сообщить вам о моем приключении на станции железной дороги, по приезде из Гествика в Лондон. Негодяй Кросби попал на Барчестерской станции в один со мною вагон и всю дорогу до Лондона сидел напротив меня.

Ни я ему, ни он мне не сказал ни слова, но когда поезд остановился у Поддингтонской станции, я подумал, что мне нельзя позволить ему ускользнуть от меня, поэтому я... не могу сказать, что я отколотил его, как бы мне хотелось, во всяком случае, я сделал попытку и подбил ему глаз – поставил ему отличный фонарь. Нас окружила полиция, и положение мое было далеко не приятное. Я знаю, вы будете думать, что я поступил нехорошо, быть может, оно и так, но что же мог я сделать, когда он целых два часа просидел напротив меня с таким видом, как будто считал себя самым лучшим человеком в Лондоне!

В газете напечатали прегнусную статью по этому поводу, в которой между прочим говорится, что будто меня так „высекли“, что я не в состоянии пошевелиться. Это отвратительная ложь, как и все остальное в статье. Кросби до меня не дотронулся. Впрочем, с ним легче было справиться, чем с быком: он очень спокойно выдержал эту операцию. Я должен, однако же, признаться, что все же он получил гораздо меньше, чем заслуживал.

Ваш приятель сэр Р.Б. вызвал меня сегодня к себе и объявил, что я преступник. Я не обратил на это никакого внимания: он мог назвать меня, пожалуй, хоть убийцей или ночным вором, я беспокоюсь только об одном, что вы будете сердиться на меня, а больше всего боюсь гнева известной вам особы – в Оллингтоне.

Имею честь быть, милорд, вашим преданнейшим и покорнейшим слугою

Джон Имс».

– Я знал, что он сделает это при первом удобном случае, – сказал граф, прочитав письмо. Он вышел из кабинета, потирая руки от удовольствия, и потом засунул большие пальцы в карманы жилета. – Я знал, что он из хорошего теста, – продолжал он говорить про себя, восхищаясь доблестью своего любимца. – Я сам бы это сделал, если бы встретился с ним.

– Ты только подумай, – сказал граф, обращаясь к леди Джулии, когда пришел в столовую. – Джонни Имс встретился с Кросби и отличным образом поколотил его.

– Неужели? – сказала леди Джулия, положив на стол газету и очки, а засверкавшие глаза ее выражали скорее удовольствие, чем негодование на такой нечестивый поступок.

– Да-да, поколотил. Я знал заранее, что он сделает это при первой встрече.

– Поколотил! Действительно?

– Отправил его к леди Александрина с двумя фонарями.

– С двумя фонарями! Ах, негодный! А ему не досталось?

– Ни царапинки.

– Что же с ним сделают?

– Ничего. Кросби не захочет быть дураком, чтобы начать дело. Человек, совершив такую подлость, как Кросби, не имеет права рассчитывать на покровительство законов. На него безнаказанно может опуститься чья угодно рука. Он не может показать своего лица, не может защищать себя, отвечать на вопросы относительно своего поступка. Есть преступления, до которых закон касается, но которые так сильно возмущают общественное чувство, что всякий может принять на себя обязанность наказания за них. Его отколотили, опозорили, и этот позор останется с ним на всю жизнь.

– Напиши, пожалуйста, Джонни, что я надеюсь, что он здоров, – сказала леди Джулия. Старая леди не могла открыто поздравить Джонни с победой, но и эти слова были равносильны поздравлению.

Зато граф поздравил его и выразил свое полное одобрение.

«Я полагаю, – писал он Джонни, – что сделал бы то же самое в твои лета и при подобных обстоятельствах. Душевно радуюсь, что пришлось справляться легче, нежели с быком. Я совершенно уверен, что ты не нуждался в посторонней помощи, вступив в бой с мистером Кросби. Что касается оллингтонской особы, то, насколько я понимаю подобные вещи, мне кажется, она простит тебя». (Вопрос еще, действительно ли граф понимал подобные вещи.)

В постскриптуме граф прибавил: *«Когда будешь писать ко мне, и надеюсь, что это будет в скором времени, то начинай письмо: „Любезный лорд Де Гест“; – это будет вернее».*

Глава XXXVII. Сетования старика

– Подумали ли вы о том, о чем я говорил вам, Белл? – спросил Бернард у своей кузины однажды утром.

– Подумала ли я, Бернард? Зачем же мне думать? Я даже надеялась, что вы сами забыли об этом.

– Нет, – сказал Бернард. – Я не так легкомыслен. Для меня это не то же, что купить лошадь, от которой я бы мог отказаться без всякого сожаления, если бы животное оказалось мне не по карману. Я не говорил вам о моей любви, пока не уверился в самом себе, а раз уверившись, я вовсе не способен измениться.

– А между тем хотите, чтобы я изменила себе.

– Да, я бы хотел. Если ваше сердце еще свободно, то, конечно, оно должно изменить себе, прежде чем вы полюбите кого бы то ни было. Подобной перемены нельзя не ожидать. Но раз полюбив, трудно изменить себе.

– Я еще никого не любила.

– Следовательно, я имею право надеяться. Я ждал дольше, чем следовало бы. Ждал потому, что не мог принудить себя оставить вас в покое, не поговорив еще раз об этом. Мне не хотелось казаться вам докучливым...

– И не казались бы, стоило только поверить моим словам.

– Нет, это не потому, что я не верю вам. Я не мальчик и не какой-нибудь глупец, чтобы льстить себя несбыточной надеждой, что вы влюблены в меня. Я совершенно вам верю. Но все же не позволяю себе думать, что ваше мнение не изменится.

– Не изменится.

– Не знаю, говорили ли вам об этом деле ваш дядя или ваша мать?

– Это ни к чему не приведет, даже если они и говорили.

Действительно, ее мать говорила с ней, но Белл решительно сказала, что подобный разговор ни к чему. Если ее кузен не мог одержать победы с помощью своего собственного искусства, то, зная характер Белл, он мог быть вполне уверен, что никакое искусство других не в состоянии сделать его победителем.

– Нас всех сильно огорчило несчастье, постигшее бедную Лили, – продолжал Бернард.

– И потому, что ее обманул человек, которого она любила, а вы хотите, чтобы я поправила это дело, выйдя замуж за человека, которого... – И Белл остановилась. – Милый Бернард, не принуждайте меня употреблять такие слова, которые могут показаться вам неприятными.

– Что может быть неприятнее тех слов, которые вы уже произнесли! Во всяком случае, Белл, вы должны меня выслушать.

И Бернард рассказал ей, как было бы желательно, относительно всего, что касалось семейства Дейлов, чтобы она превозмогла себя и приняла его предложение. Это было бы полезно для всех родных, говорил Бернард, особенно для Лили, к которой дядя сейчас так благоволит. По словам Бернарда, сквайр до такой степени искренно желал этого брака, что готов был сделать все, что бы от него ни потребовалось, ради достижения желанной цели. А если бы его желание не уважили, он бы получил повод к выражению неудовольствия.

Белл, которую просили выслушать, выслушала все очень терпеливо. Но когда ее кузен закончил, ее ответ был очень короток.

– Все, что бы дядя ни сказал, что бы он ни подумал или ни сделал, не может изменить этого дела, – сказала она.

– Значит, вы нисколько не хотите и думать о счастье других?

– Чтобы упрочить счастье других, я не хочу выходить за человека, которого не люблю. Я знаю, по крайней мере, что не должна этого делать. Притом же я не верю, что этим браком могу упрочить чье-либо счастье, а тем более ваше.

После этого Бернард увидел, что затруднения на его пути были очень велики.

– Я уеду и не возвращусь до будущей осени, – сказал он дяде.

– Если б ты бросил свою службу и оставался здесь, Белл не была бы так непреклонна.

– Этого я не могу сделать, сэр. Я не могу рисковать благополучием моей жизни за такой шанс.

После этого дядя вознегодовал и на него, и на племянницу. В досаде своей он собрался идти еще раз к невестке, и каким-то непонятным образом решил, что ему будет очень кстати рассердиться и на нее, если бы она отказалась помочь ему своим материнским влиянием. «И почему бы им не сойтись?» – говорил он себе.

Предложение лорда Де Геста касательно молодого Имса было очень великодушно. Сквайр объявил тогда, что не может вдруг выразить своего мнения, но, обдумав слова лорда, был вполне готов залечить семейную рану предложенным средством, если только подобное излечение возможно. Этого, однако ж, теперь нельзя было сделать. Придет время, а сквайру казалось, что оно должно прийти очень скоро, может, весной, когда наступят хорошие дни, длинные вечера, тогда он согласился бы оказать графу Де Гесту содействие в устройстве этого нового брака. Кросби он решительно отказал в вопросе приданого, и по случаю этого отказа его совесть была не совсем спокойна. Но если бы Лили оказалась склонна полюбить другого молодого человека, то сквайр был бы более щедр. Лили получила бы тогда в приданое свою долю, как получила бы его родная дочь. А имея намерение сделать так много для обитателей Малого дома, не вправе ли он ожидать, чтобы обитатели эти сделали что-нибудь и для него. Размышляя таким образом, он еще раз отправился к невестке объяснить свои цели, даже если бы при этом случае пришлось обменяться жесткими выражениями. Что касается собственно его, то он мало заботился о жестких выражениях. Он почти постоянно находился в убеждении, что людские речи должны быть всегда и жестки, и обидны. Он никогда не надеялся услышать от людей что-нибудь ласковое, нежное, да и не сумел бы оценить этого, если бы и довелось услышать. Сквайр встретил мистрис Дейл в саду и повел ее в свою собственную комнату, чувствуя, что там ему представлялось более шансов, нежели у нее дома. Со своей стороны мистрис Дейл, питая давнишнее отвращение к наставлениям, которые ей часто делались в этой комнате, старалась избегнуть свидания, но не удалось.

– Я все-таки виделся с Джоном Имсом в гествикском доме, – сказал сквайр еще в саду.

– Ах да, ну как он поживает там? Я не могу себе представить, что бедный Джонни проводит праздники с графом и его сестрой. В каких отношениях он с ними и как они с ним обращаются?

– Могу уверить вас, что он там как дома.

– В самом деле? В таком случае это послужит ему на пользу. Он премилый молодой человек, только такой неловкий.

– Мне он вовсе не показался неловким. Вы увидите, Мэри, что он его дела пойдут хорошо, лучше, чем у его отца.

– Сердечно желаю ему всяческого успеха.

После этого мистрис Дейл хотела было уйти, но сквайр взял ее в плен и повел свою пленницу в дом.

– Мэри, – сказал он, как только уговорил ее присесть, – пора бы решить дело между моим племянником и племянницей.

– Боюсь, что тут нечего будет решать.

– Что вы хотите этим сказать? Разве лишь то, что вы не одобряете этого брака?

– Совсем нет, говоря собственно о себе, я вполне его одобряю, но мое одобрение совсем не относится к делу.

– Извините, оно очень даже относится и должно относиться. Разумеется, я не говорю, что сейчас можно кого-нибудь принудить вступить в брак.

– Надеюсь.

– Я никогда не говорил о таком принуждении относительно Белл, никогда не думал об этом, но тем не менее я полагаю, что желания всего семейства должны иметь больший вес в глазах хорошо воспитанной девушки.

– Не знаю, хорошо ли воспитана Белл, но для нее в деле подобного рода ничьи желания не могут иметь особенного веса, а со своей стороны я даже не решилась бы выразить такого желания. Вам, конечно, могу сказать, что я была бы совершенно счастлива, если бы она могла смотреть на своего кузена, как вы того желаете.

– Вы хотите сказать, что боитесь заявить ей свое желание?

– Я боюсь поступить несправедливо.

– Я не вижу никакой несправедливости, а потому сам переговорю с ней.

– Делайте как хотите, мистер Дейл, я не могу вам препятствовать. Я думаю, что вы поступите несправедливо, поставив ее в затруднительное положение, и очень боюсь, что ее ответ не будет для вас удовлетворителен. Если вы хотите выразить ей ваше мнение, то выразите. Все-таки я буду думать, что вы поступаете нехорошо, вот и все тут.

Когда мистрис Дейл произносила эти слова, голос и выражение лица ее были суровы. Она не могла запретить дяде выразить свое мнение племяннице, но ей очень не нравилась мысль о его вмешательстве в сердечные дела ее дочери. Сквайр встал и начал ходить по комнате, стараясь успокоиться, чтобы иметь возможность отвечать рассудительно и без гнева.

– Можно ли мне уйти теперь? – спросила мистрис Дейл.

– Можно ли вам уйти? Конечно можно, если вы желаете. Если вы находите затруднительным для себя разговор о благополучии ваших дочерей, на которых я стараюсь смотреть как на моих собственных дочерей – хотя, сколько мне известно, их никогда не учили любить меня как отца... Так вот если вы считаете мою заботу об их благополучии неуместным вмешательством, то, конечно, можете уйти.

– Я не имела намерения огорчить вас, мистер Дейл.

– Огорчить меня! Кому какое дело, огорчаюсь ли я или нет. У меня нет своих детей, и потому я считаю своей обязанностью устроить жизнь племянников и племянниц. Я буду старым дураком, если стану надеяться, что взамен этого они будут любить меня. Я хочу выразить свое желание, а мне говорят, что я мешаюсь не в свои дела и поступаю дурно! Горько, очень горько, я хорошо знаю, что их научили не любить меня, а все-таки стараюсь исполнить мой долг в отношении к ним.

– Мистер Дейл, ваше обвинение несправедливо: их никто не учил не любить вас. Я думаю, они обе любили и уважали вас как родного дядю, но все же эта любовь и уважение не дают вам права вершить их судьбы в вопросе брака.

– Да кто же хочет вершить судьбы?

– Бывают обстоятельства, в которые, мне кажется, никакой дядя, никакой родитель не должны вмешиваться, и из всех таких обстоятельств нынешнее – самое главное. Если и после этого вы решите высказать ей свое желание, то, разумеется, можете.

– Мало будет пользы в том, особенно если вы восстановили ее против меня.

– Мистер Дейл, вы не имеете права говорить мне такие вещи, и в этом случае вы более чем несправедливы. Если вы думаете, что я восстановила моих дочерей против вас, то будет гораздо лучше совсем оставить Оллингтон. Я находилась в таких обстоятельствах, которые мешали исполнить мой долг в отношении детей, но я старалась исполнять его, оставляя в стороне все мои личные желания. Я совершенно убеждена, однако же, что с моей стороны было бы

неблагодарно допустить им оставаться здесь, после вашего упрека, что я научила их смотреть на вас с неприязнью. Я решительно не потерплю, чтобы мне говорили подобные вещи.

Все это мистрис Дейл высказала решительно, голосом, выражающим чувство нанесенного ей оскорбления, это заставило сквайра понять, что она говорила серьезно.

– Разве не правда, – сказал он, оправдываясь, – что во всем, касающемся ваших дочерей, вы всегда смотрели на меня с подозрением?

– Нет, неправда. – И потом мистрис Дейл старалась поправить свою ошибку, чувствуя, что в последних словах сквайра была доля истины. Уж никак не с подозрением, – сказала она. – Но если мы зашли так далеко, то я объясню вам мои истинные чувства. В материальном отношении вы многое можете сделать для моих дочерей, да и многое сделали.

– И желаю сделать еще более, – сказал сквайр.

– Я уверена. Но из-за этого я не могу вам уступить моего места, места матери, заменяющей им в то же время и отца. Они мои дети, а не ваши. Если бы я даже согласилась допустить вам действовать в качестве опекуна и самого близкого покровителя, они бы и тогда не согласились на подобную сделку, этого вы не можете назвать подозрением.

– Но могу назвать ревностью.

– А разве мать не должна ревновать к любви своих детей?

Все это время сквайр ходил по комнате взад и вперед, засунув руки в карманы штанов. И когда мистрис Дейл произнесла последние слова, он все еще молча продолжал свою прогулку.

– Может быть, и к лучшему, что вы наконец высказались, – сказал он.

– Ваше обвинение сделало это необходимым.

– Я не хотел вас обвинять, не хочу и теперь, но думаю, что вы и прежде поступали, и сейчас поступаете со мной жестоко, очень жестоко. Я старался разделить с вашими детьми и с вами то благосостояние, какое выпало на мою долю. Я старался как можно больше обеспечить удобства вашей жизни и счастье ваших дочерей. Я забочусь не менее вашего о том, чтобы упрочить их будущее благополучие. Вы бы очень несправедливо поступили, если бы отказались от всего, что делается в их пользу, и мне кажется, что взамен этого вам не следовало бы жалеть о привязанности и повиновении, которые обыкновенно идут вслед за такими добрыми услугами.

– Мистер Дейл, я ничего не жалею и не жалела.

– Я огорчен, я очень огорчен, – продолжал сквайр, а мистрис Дейл удивилась выражению страдания на его лице гораздо больше, чем необыкновенной эмоциональности его слов. – То, что вы сказали, мне уже давно известно. Хотя я и чувствовал, что это так было, но, признаюсь, ваша откровенность меня крайне огорчила.

– Разве только потому, что я сказала, что мои дети должны всегда оставаться моими?

– О, вы сказали более. Вы и ваши дети жили здесь, близко от меня – уж сколько лет! – и за все эти годы у вас не появилось ко мне ни одного доброго чувства. Неужели вы думаете, что я не вижу, не слышу, не чувствую? Не думаете ли вы, что я одурел и ничего не понимаю? Что до вас самих, вы бы никогда не ступили в этот дом, если бы не считали себя вынужденной сделать это ради приличия. Я нахожу, что все это так и должно быть. Хотя у меня и нет собственных детей, на мне все-таки лежат родительские обязанности по отношению к моим племянницам, и за это мне говорят, что я не вправе ожидать ни любви, ни расположения, ни послушания. Знаю, Мэри, что я вас задерживаю здесь против вашего желания. Не стану вас долее удерживать. – И он сделал знак, что она может уйти.

Вставая со своего места, мистрис Дейл чувствовала, что ее сердце смягчилось к нему. В последнее время он был очень ласков к ее детям, и это ласковое обращение имело даже сходство с нежностью любви, которой он никогда не проявлял прежде. Участь Лили, казалось, смягчила его суровость, и он старался быть как можно более мягким и в словах и в поступках. Теперь же сквайр говорил так, как будто при всей своей любви к этим девочкам он любил их

напрасно. Без всякого сомнения, он был неприятным соседом для своей невестки, заставляя ее беспрестанно чувствовать, что ей он никогда бы не протянул открытой ладони. Нет сомнения, что он был движим бессознательным желанием сделать подкоп под ее власть над ее собственными детьми. Нет также никакого сомнения, что он всегда смотрел на нее косо с первого дня ее замужества. Она живо чувствовала все это с того времени, как узнала его, и еще живее после неудачи в своих усилиях жить с ним на дружеской ноге, усилиях, которые она делала в течение первых двух лет своего пребывания в Малом доме. Но тем не менее, несмотря ни на что, ее сердце в эту минуту скорбело за него. Она одержала над ним победу, вполне сохранив за собой позицию для защиты детей, но теперь, когда он жаловался, что он разбит в этом состязании, сердце мистрис Дейл обливало кровью.

– Брат, – сказала она и, говоря это, подала ему обе руки, – может быть, мы до сих пор не так понимали друг друга, как следовало бы.

– Я старался, – отвечал старик, – я старался... – И он остановился или от избытка чувства, или не находя слов, которые бы надлежащим образом выразили его мысль.

– Постараемся снова понять друг друга надлежащим образом, постараемся оба!

– Как? Начинать это снова, когда стукнуло почти семьдесят лет! Нет, Мэри, для меня нет более начинаний. Это, впрочем, нисколько не относится к девушкам. Пока я жив, пусть они владеют моим домом. Если выйдут замуж, я сделаю для них все, что могу. Я полагаю, что Бернард серьезно относится к своему предложению, и если Белл послушает его, то всегда будет принята здесь как полноправная хозяйка Оллингтона. А то, что вы сказали, ни к чему не приведет... начинания для меня совершенно невозможные.

После этого мистрис Дейл одна прошла домой через сад. Сквайр нарочно сказал ей, что, пока он жив, ее дети, а не она, могли пользоваться домом, в котором обитали. Он решительно отказался от предложенного ею более искреннего расположения. Он заставил ее понять, что они должны смотреть друг на друга как неприятели, но, в какой бы степени она ни была для него неприятелем, он позволял ей пользоваться его щедротами, потому что желал выполнять свою обязанность в отношении племянниц.

Глава XXXVIII. Посылают за доктором Крофтсом

Мистрис Дейл недолго просидела в своей гостиной, когда ей принесли известие, которое на время отвлекло ее внимание от мысли о переезде.

– Мама, – сказала Белл, входя в комнату, – я начинаю серьезно думать, что у Джейн скарлатина.

Горничной Джейн нездоровилось уже два дня, но до сих пор в ее болезни не подозревали ничего серьезного. Мистрис Дейл вскочила с места.

– Кто теперь при ней? – спросила она.

Из ответа Белл оказалось, что как она, так и Лили были при девушке, и что Лили находилась там в эту минуту. При таком ответе мистрис Дейл поспешила наверх, и в доме поднялась суматоха. Через час с небольшим явился сельский аптекарь, который исполнял и обязанности врача. Он выразил мнение, что девушка действительно больна скарлатиной, но мистрис Дейл, не довольствуясь этим, отправила мальчика в Гествик за доктором Крофтсом. Она много лет лично поддерживала оппозицию против медицинской репутации аптекаря и решительно приказала обеим своим дочерям не навещать более бедную Джейн. У самой мистрис Дейл уже была скарлатина и, следовательно, она могла поступать как ей угодно. Вслед за тем была нанята сиделка.

Все это на несколько часов изменило течение мыслей мистрис Дейл, и не ранее как вечером она могла возвратиться к утреннему разговору. Только тогда и перед тем, как ложиться спать, обитательницы Малого дома держали открытый военный совет по этому предмету. Оказалось, что доктора Крофтса не было в Гествике, но им объявили, что он придет в Оллингтон рано поутру. Мистрис Дейл почти решила, что болезнь ее любимой горничной – вовсе не скарлатина, но тем не менее нисколько не смягчила строгость своего запрета дочерям приближаться к постели больной служанки.

– Чем скорее уедем отсюда, тем лучше, – сказала Белл, которая пуще матери противилась проявлению всякого деспотизма со стороны дяди. При разбирательстве по ниточке всего, что происходило между ними, сватовство Бернарда не могло не вылезти наружу. Белл молчала о предложении, сделанном ее кузеном, пока было возможно, но коль скоро дядя начал настаивать на этом предмете перед мистрис Дейл, Белл не было уже возможности долее молчать.

– Мама, вы, вероятно, не хотите, чтобы я вышла за него, скажите? – спросила она, когда мать в своих словах выказала некоторое расположение к Бернарду.

В ответ на это мистрис Дейл с одушевлением уверяла, что у нее вовсе не было подобного желания, а Лили, которая все еще держалась веры в доктора Крофтса, была воодушевлена одинаково с матерью. Всем им особенно неприятна была мысль, что дядя их решается вмешиваться в их планы, и вмешиваться из-за денежного пособия, которое они от него получали. Тем более было неприятно, что он осмелился даже навязывать свое мнение насчет их замужества. Они уверяли друг друга, что дядя их не может иметь никакого права противиться какому бы то ни было браку, в который они захотели бы вступить, лишь бы на этот брак было изъявлено согласие матери. Бедный старый сквайр был прав, утверждая, что на него смотрели с подозрением. На него действительно так смотрели. Впрочем, он сам был тому виной, стараясь расположить к себе дочерей и не считая нужным завоевать расположение матери.

Девушки бессознательно чувствовали, что со стороны дяди была сделана попытка распоряжаться ими, и потому мужественно восстали против этого. Они были не виноваты, что их заставляли жить в доме дяди, что принуждали ездить на его поля и отчасти есть его хлеб. И они ели этот хлеб, и жили в его доме, и показывали, что признательны. Сквайр был добр на свой лад, и они сознавали его доброту, но из этого еще не следовало, что они могли уступить хоть на одну йоту в преданности, которую как дети были обязаны проявлять к матери. Когда

мистрис Дейл рассказала им и объяснила значение слов, употребленных дядей в то утро, они выразили сожаление, что он был так огорчен, но, тем не менее, уверяли мать, что причиной его огорчения была не она, а он сам.

– Уедемте отсюда теперь же, – сказала Белл.

– Да, моя милая, это легко сказать, но не исполнить.

– Конечно, да, мама, иначе нас давно бы здесь не было. По моему мнению, нужно приступить к делу немедленно. Ясно, дядя полагает, что, оставаясь здесь, мы предоставляем ему некоторое право распоряжаться нами. Я не говорю, что он не должен так думать. Может быть, это и естественно. Может быть, принимая его милости, мы должны покоряться ему. А если так, то этого совершенно достаточно для нашего отъезда.

– Нельзя ли нам платить ему аренду за дом? – спросила Лили. – Так, как это делает мистрис Харп? А вы бы желали, мама, остаться здесь, если бы это было возможно?

– В том-то и дело, Лили, что это невозможно. Нам надо выбрать дом поменьше этого и такой, который бы не требовал издержек на сад. Если бы даже мы платили за этот дом умеренную аренду, у нас все-таки не хватит средств, чтобы жить здесь.

– Даже если б мы питались одним чаем и тостами? – спросила Лили, смеясь.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы, мои милые, питались одним чаем с тостами. Мне бы самой такая пища показалась диетой.

– Никогда, мама, – сказала Лили. – Что касается меня, то, признаюсь, я бы довольствовалась бараньими котлетками. Только не думаю, чтобы вам нравились такие простонародные блюда.

– Во всяком случае, нам невозможно оставаться здесь, – сказала Белл. – Дядя Кристофер не согласится взять арендных денег от мамы, а если бы и согласился, мы бы не сумели справиться с другими бытовыми делами после такой перемены. Нет, нам надо отказаться от милого старого Малого дома.

– В самом деле, милый старый дом, – сказала Лили, вспоминая при этих словах более о последних сценах в саду, когда Кросби гостил у них в осенние месяцы, нежели о прежних радостях своего детства.

– Но все еще не знаю, хорошо ли я поступлю, переехав в другое место, – сказала мистрис Дейл с сомнением.

– Хорошо, хорошо, – сказали обе девушки в один голос, – вы будете правы, мама, это не подлежит никакому сомнению. Если бы нам удалось найти какой-нибудь коттедж или даже квартиру, то все будет лучше, чем оставаться здесь, зная мнение дяди Кристофера.

– Это его очень огорчит, – сказала мистрис Дейл.

Но даже и этот последний аргумент нисколько не подействовал на девушек. Они будут очень сожалеть, что дядя огорчится, будут всячески стараться доказать ему, что они всегда питали к нему привязанность. Если он вздумает говорить с ними, то они постараются объяснить ему, что их мнение в отношении него было совершенно дружелюбное, но что им нельзя оставаться в Оллингтоне, не увеличив этим бремя признательности и зная притом, что он ожидал от них оплаты, которой они не в состоянии внести.

– Остаться здесь – значило бы тянуть из его кармана, – сказала Белл, – значило бы преднамеренно отнимать у него то, на что он имеет, по его мнению, полное право.

И так было решено известить дядю о намерении Дейлов оставить Оллингтонский Малый дом.

Потом возник вопрос об их новом жилище. Мистрис Дейл хорошо понимала, что ее средства, во всяком случае, лучше средств мистрис Имс, а потому имела основание полагать, что ей можно будет держать свое хозяйство в Гествике.

– Уж если ехать, то в Гествик, – сказала она.

– Там мы будем гулять с Мэри Имс вместо Сюзан Бойс, – сказала Лили. – Впрочем, тут нет большой разницы.

– Мы выигрываем столько же, сколько проигрываем, – сказала Белл.

– К тому же там будет приятно, что магазины рядом, – сказала Лили с иронией.

– Да, особенно когда не будет денег на покупки, – заметила Белл.

– Кроме того, мы окажемся ближе к высшему обществу, – сказала Лили. – Карета леди Джулии приезжает в город два раза в неделю, а девицы Груфен разъезжают очень парадно. В целом, мы будем в большом выигрыше, жаль только, что не будет старого сада. Мама, я право думаю, что умру с горя, расставшись с Хопкинсом, а что до него самого, то я действительно разочаруюсь во всем человечестве, если он перенесет нашу разлуку.

Что ни говорите, а в их решении было много грустного, и мистрис Дейл казалось, что она очень дурно распоряжается относительно дочерей, позволяя им испытывать голод, нужду и огорчения из-за своей собственной ошибки. Ей было хорошо известно, какое тяжелое бремя горести лежало на сердце Лили, хотя Лили и старалась прикрыть свои чувства легкими шутками. Когда Лили говорила о разочаровании в человечестве, мистрис Дейл едва удерживалась от содрогания, которое бы выдало ее сокровенные мысли. Она, мать этих двух созданий, решалась забрать их из уютного дома, от прелести газонов и садов и увезти в какой-нибудь темный закоулок провинциального городка. Из-за чего? Только из-за того, что сама не могла ужиться с деверем. Справедливо ли она поступала, отказываясь от всех выгод, которыми дети ее пользовались в Оллингтоне, выгод, которые получали они из совершенно законного источника, – отказываясь от этих выгод только потому, что ее собственные чувства были уязвлены? При всех будущих лишениях в удобстве, при неуютности и неряшестве нового жилища, куда она намеревалась переместить их, не станет ли она беспрестанно укорять себя в том, что довела их до такого положения своею ложною спесью? А между тем, по ее понятиям, другого выбора не представлялось. Теперь она уже не могла учить своих дочерей покоряться во всем желаниям их дяди. Она уже не могла вразумить Белл, что было бы хорошо, если бы она вышла замуж за Бернарда, потому собственно, что это было задушевным желанием сквайра. Она зашла так далеко, что возвращение становилось невозможным.

– Я думаю, нам придется переехать к Благовещению¹³? – спросила Белл, которая более других заботилась о безотлагательном отъезде. – А если так, то не лучше ли будет известить дядю Кристофера теперь же?

– Не думаю, что нам удастся найти дом к этому времени.

– Можно переехать к кому-нибудь на время, – продолжала Белл. – Вы знаете, что в Гествике нет недостатка в квартирах.

Звук слова «квартиры» неприятно прозвучал в ушах мистрис Дейл.

– Уж если переезжать, то немедленно, – сказала Лили. – Не стоит останавливаться из-за того, каким порядком должен совершиться переезд.

– Ваш дядя сильно огорчится, – заметила мистрис Дейл.

– Но он не может сказать, что виною тому были вы, – возразила Белл.

Таким образом, было решено, что сквайр должен получить необходимое извещение безотлагательно и что старый Малый дом надо оставить навсегда. С материальной точки зрения это было огромное падение – из оллингтонского Малого дома вдруг переехать в какой-нибудь переулок в Гествике. В Оллингтоне они были сельскими жителями, поставленными, уже по одному месту своего пребывания, на один уровень с самим владельцем и другими владельцами, но в Гествике они становились незаметными даже между обыкновенными городскими жителями. Они будут стоять наравне с Имсами, а Груфены будут смотреть на них свысока. Они едва ли осмелятся еще раз посетить гествикский господский дом, потому, собственно,

¹³ 25 марта по старому стилю.

что не могли надеяться на визит леди Джулии в Гествике. Мистрис Бойс, без сомнения, станет им покровительствовать, и они уже предвидели соболезнование со стороны мистрис Харп. В самом деле, такой поступок с их стороны имел значение, равносильное объявлению о банкротстве, сделанному во всеуслышание при всех знакомых.

Мне нельзя позволить моим читателям предположить, что обитательницы Малого дома были равнодушны ко всем этим соображениям. Иные женщины с сильной волей, с возвышенными философскими устремлениями действительно остались бы равнодушными к подобным вещам, но мистрис Дейл не имела этого свойства, как не имели его и ее дочери. Блага сего мира и в их глазах имели свое значение, и они умели ценить привилегию стоять в общественной жизни несколькими ступеньками выше своих знакомых. Они были неспособны пренебрегать теми выгодами, которые до сих пор предоставлял им случай. Они не могли радоваться ожидавшей их впереди сравнительной бедности, но в то же время не могли они и купить за предложенную цену того довольства и тех удобств, от которых хотели теперь отказаться.

– Не лучше ли будет, мама, если вы сами напишете дяде? – спросила одна из сестер.

На это мистрис Дейл не согласилась, на том основании, что затруднялась написать письмо, которое было бы вполне вразумительно, а потому решила лучше увидеться со сквайром на следующее утро.

– Это свидание будет ужасно, – сказала она, – но непродолжительно. Я не столько боюсь того, что он скажет в ту минуту, сколько горького упрека на его лице, когда впоследствии нам придется с ним встретиться.

Итак, на следующее утро она опять отправилась в кабинет сквайра, но на этот раз без приглашения.

– Мистер Дейл, – начала она, приступая к делу несколько конфузясь и скороговоркой. – Я обдумала наш вчерашний разговор и пришла к такому заключению, которое полагаю необходимым сообщить вам без малейшего отлагательства.

Сквайр тоже обдумывал то, что произошло между ними вчера, и много перестрадал в это время, однако в его думах не нашлось места ни резким фразам по отношению к собеседнице, ни гневу. Думы его были не так жестки, как слова. При всей своей доброте он не умел как следует проявлять той мягкости, которая наполняла его сердце. Ему хотелось любить детей своего брата, быть ими любимым и даже за отсутствием ответной любви он желал быть им полезным. Ему не приходило в голову сердиться на мистрис Дейл после вчерашнего свидания. Разговор вышел неприятным, да он и не ждал, чтобы для него делалось что-нибудь приятное. Ему и в голову не приходило, что произнесенные тогда слова могли огорчить обитательниц Малого дома. В его понятиях Малый дом должен служить им жилищем точно так же, как Большой дом служил ему самому. Отдавая ему справедливость, надо сознаться, что в его мыслях не было ни малейшего намека на то, что они пользовались домом по его благодению. Мистрис Харп, которая жила в своем коттедже за половину настоящей цены, почти ежедневно жаловалась на него, но ему никогда и в голову не приходило повышать арендную плату, как не возникало мысли, что, не повышая этой платы, он оказывал старухе особенную милость. Люди всегда казались ему недовольными, неблагодарными, неприятными, и потому он не мог надеяться, что мистрис Харп или его невестка поступят с ним лучше, нежели так, как с ним обычно поступали.

– Я буду весьма счастлив, – сказал он, – особенно если это имеет отношение к выходу Белл замуж за ее кузена.

– Мистер Дейл, об этом не может быть и речи. Я бы не желала огорчать вас этими словами, если б не была уверена, но я так хорошо знаю свою дочь.

– В таком случае, Мэри, предоставим это времени.

– Разумеется, только никакой промежуток времени не может заставить Белл изменить свое мнение. Но оставим этот предмет, мистер Дейл, я должна сообщить вам нечто другое: мы решились выехать из Малого дома.

– Вы решились на что-о? – спросил сквайр, глядя на невестку во все глаза.

– Мы решились выехать из Малого дома.

– Выехать из Малого дома! – сказал он, повторяя ее слова. – И куда же вы намерены выехать?

– Думаем переехать в Гествик.

– А почему?

– О, это так трудно объяснить. Я прошу вас принять факт, как я его передаю, не спрашивая о причинах, из которых он сложился.

– Но это невозможно, Мэри. В таком деле, как это, мне следует требовать объяснения причин, и должен сказать вам, что, по моему мнению, вы не исполните вашего долга к своим дочерям, приведя в исполнение такое намерение, – разве только побудительные причины к тому в самом деле очень сильны.

– Они очень сильны, – сказала мистрис Дейл и остановилась.

– Ничего не понимаю, – сказал сквайр, – не могу заставить себя думать, что вы говорите серьезно. Разве вам неудобно в Малом доме?

– Мы имеем в нем удобств гораздо более, чем можно рассчитывать на них при наших средствах.

– Я всегда думал, что вы отлично распоряжались вашими деньгами. Вы никогда не влезаете в долги.

– Правда, я никогда не влезая в долги, но речь не о долгах. Дело в том, мистер Дейл, мы не имеем права жить в Малом доме, не платя за него аренды, и не можем жить там, если бы и платили ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.